

РѢЧЬ

И

КРАТКІЙ ОТЧЕТЪ,

ЧИТАННЫЕ

ВЪ

ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМИРА

9 ІЮНЯ 1856 ГОДА.

КІЕВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1856.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Уни-
верситета Св. Владиміра 25 Мая 1856 года.

59

**О МѢСТѢ,
ЗАНИМАЕМОМЪ ПОЛИТИЧЕСКОЮ
ЭКОНОМІЕЮ**

ВЪ СИСТЕМѢ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ,

И ОБЪ ОТНОШЕНІИ ЕЯ

КЪ

ПРАКТИЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

РѢЧЬ,

написанная Ординарнымъ Профессоромъ Императорскаго Университета

Св. Владиміра

НИКОЛАЕМЪ БУНГЕ,

ДЛЯ ПРОИЗНЕСЕНІЯ

ВЪ ЦОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАШЕНІИ

УНИВЕРСИТЕТА

9 ІЮНЯ 1856 Г.

О мѣстѣ, занимаемомъ политическою экономіею въ системѣ народнаго образованія, и объ отношеніи ея къ практической дѣятельности.

Избирая предметъ, который имѣлъ бы право занять благосклонное вниманіе Ваше, Мм. Гг., я остановился на изслѣдованіи значенія политической экономіи въ дѣлѣ народнаго образованія и въ области практической дѣятельности. Предметъ этотъ чрезвычайно общъ, но мнѣ кажется, что выборъ мой оправдывается состояніемъ этой науки, какъ въ Европѣ вообще, такъ и въ особенности у насъ, въ Россіи. Политическая экономія не успѣла еще сдѣлаться насущною потребностію въ умственной жизни общества, и ходячія понятія о ней довольно смутны.

Еще недавно одно изъ правительствъ, носившихъ характеристическое названіе «временныхъ», «изгоняло ее изъ высшихъ учебныхъ заведеній, — какъ живой протестъ противъ насилія, и нарушенія права собственности, въ то самое время, какъ многіе приверженцы порядка видѣли въ ея началахъ зародыши общественнаго разложенія. — Не менѣе замѣчательно было положеніе нашей науки относительно

современныхъ намъ событій: ея достойнѣйшіе представители, какъ поборники мира и цивилизаціи, находились въ явномъ противорѣчій съ увлеченіями толпы. — Говоря, что долгъ государства состоитъ не въ томъ, чтобы приготовить для нищаго могилу на чужой землѣ, но въ томъ, чтобы облегчить для него задачу нравственнаго возрожденія, они навлекли на себя упрекъ въ недостатокъ любви къ отечеству, въ измѣнѣ своему долгу, въ обсуживаніи общечеловѣческихъ вопросовъ съ точки зрѣнія торгашества и денежныхъ расчетовъ.

На Западѣ многіе смотрятъ и въ настоящее время на политическую экономію какъ на средство, которое научаетъ — превращать милліоны, пріобрѣтенные народнымъ трудомъ, въ неуплатимые государственные долги, богатѣть биржевыми спекуляціями и оправдывать собственную роскошь, необходимостію поощрять промышленность. Нравственное пониманіе науки принадлежитъ однимъ, и при томъ весьма немногочисленнымъ ея поборникамъ.

У насъ политическая экономія извѣстна болѣе по слуху: число изучающихъ ее весьма ограничено; литература ея не можетъ указать ни на одно оригинальное русское произведеніе, которое подвинуло бы науку впередъ; — переводы не усвоили намъ чужаго. — Наши лучшіе экономисты писали по французски, поэтому мы не успѣли даже выработать экономического языка и перенести въ него ясность и опредѣленность народныхъ понятій. — Винить въ этомъ нѣкого: — благопріятныя условія для развитія знанія заключаются не только въ мѣрахъ народнаго образованія, въ дарованіи и трудолюбіи ученыхъ, но также и въ самомъ обществѣ. Только въ теченіи послѣднихъ 25 — 30 лѣтъ нашъ хозяй-

ственный бытъ началъ освобождаться отъ стараго патріархальнаго порядка и хозяйственныя вопросы получили общественное значеніе. Этотъ разрывъ съ патріархальною экономическою жизнію состоитъ въ томъ, что производитель становится постепенно въ меньшей степени потребителемъ собственныхъ произведеній, что дѣятельность его теряетъ разнообразіе, а рынокъ, на которомъ онъ встрѣчаетъ соперниковъ, не ограничивается прежними тѣсными предѣлами. вмѣстѣ съ тѣмъ торговля сдѣлки получаютъ болѣе обширное развитіе. Экономическія отношенія дѣлаются болѣе сложными и потребность въ частномъ кредитѣ, въ быстрыхъ и дешевыхъ сообщеніяхъ, ощущается съ характеромъ настоятельности, незнакомымъ прошедшимъ временамъ.

Однакоже многіе видятъ въ этихъ отрадныхъ явленіяхъ общественную порчу и обращаются съ любовію къ невозвратно минувшему. Въ ихъ глазахъ отжившій патріархальный бытъ представляетъ счастливое довольство, вмѣсто крайностей настоящаго — суетной роскоши и ужасающей нищеты; скромныя желанія — вмѣсто ненасытной корысти, добрыя нравы — вмѣсто безпорядочныхъ, необузданныхъ страстей. Мы умѣемъ цѣнить привязанность къ прошедшему, опозитизированіе всего, что можно подозрѣвать въ немъ хорошаго, какъ ручательство за добрыя стремленія въ настоящемъ; мы убѣждены, что нельзя безнаказанно разрывать нить преданія; однакоже мы думаемъ, что безпристрастный изслѣдователь найдетъ въ минувшемъ много такого, что обязываетъ насъ любить современное, и благословлять тотъ путь, по которому ведетъ насъ рука Провидѣнія.

Счастливое довольство въ прошедшемъ неисключало

гнета тяжелой нужды; но опустошенія, которыми сопровождались голодъ и внутреннія войны забыты; они забыты точно также, какъ и безвыходное состояніе, недопускавшее въ человѣкѣ помысловъ о жизни умственной, о высокомъ наслажденіи искусствомъ, и о хозяйственной самостоятельности, безъ которой нельзя нести полной нравственной отвѣтственности за употребленіе своихъ силъ.

Скромныя желанія, о которыхъ судятъ по ограниченности средствъ, существовавшихъ для удовлетворенія потребностей, были внѣшнею необходимостію, и неисключали ни народной ненависти, ни зависти частной, ни посягательствъ на чужое достояніе, о чемъ свидѣлствуютъ старинныя безконечныя жалобы, тяжбы и наслѣдованныя нами несправедливости.— Не будемъ преувеличивать и значенія добрыхъ нравовъ, вспомнимъ, что въ обществѣ было мало сочувствія къ нищетѣ и страданію; но много равнодушія и презрѣнія со стороны сильнаго къ слабымъ и безпомощнымъ, много нетерпимости къ мнѣніямъ, жестокости при наказаніи преступленій. Доля добра въ минувшемъ была преимущественно дѣломъ лучшихъ пастырей Церкви, плодомъ ихъ внушеній,—участіе общества отличалось болѣе страдательнымъ характеромъ.

Но какъ бы то ни было, теперь нельзя уже довольствоваться преданіями старины, надо понять настоящее и подумать о будущемъ; надо сознать, что огромность задачи, которую выполняетъ правительство, неизбавляетъ частныхъ лицъ отъ обязанности трудиться для блага общаго, трудиться съ знаніемъ дѣла, а не на авось.

При такомъ положеніи вещей, опредѣленіе мѣста, занимаемаго политической экономіею въ области народнаго

образованія и въ сферѣ практической жизни, получаетъ интересъ современный, близкій для каждаго изъ насъ. Чувствуя съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе въ какой степени могущество и благоденствіе государствъ зависятъ отъ успѣховъ экономическихъ, мы въ правѣ спросить себя: что составляетъ предметъ изученія политической экономіи, кто нуждается въ ней, какъ въ знаніи приготавливаемъ къ дѣятельности, наконецъ — въ чемъ состоятъ ея практическіе результаты?

Мы по необходимости должны коснуться перваго вопроса, потому что предметъ нашей науки и методъ ея обработки установились въ недавнее время.

Кому не случилось слышать, что политическая экономія составляетъ произведеніе матеріализма, распространившагося въ концѣ XVIII, и въ началѣ XIX вѣка, что она обязана своимъ появленіемъ корысти и неутолимой жадѣ грубыхъ вещественныхъ наслажденій? Не утверждаютъ ли многіе и до настоящаго времени, что экономисты не хотятъ знать нравственной стороны человѣка, какъ предмета не стоящаго вниманія и полагаютъ, что отношенія общественныя слагаются единственно подъ вліяніемъ частныхъ эгоистическихъ интересовъ?

Называя свои изслѣдованія наукою о народномъ богатствѣ, ученые сами поддерживаютъ эти заблужденія. Большинство, которое знакомо съ книгами по однимъ заглавіямъ, думаетъ съ полнымъ правомъ, что экономисты писали только о томъ какъ пріобрѣтать деньги, и что ихъ труды не имѣютъ никакой связи съ нашею духовною жизнью. Однакоже эта связь не терялась изъ виду даже и тогда, когда, предѣлы экономическихъ изслѣдованій были ограничены, когда давали особое значеніе вещественной оболочкѣ, въ

которой являются многія изъ средствъ, служащихъ для удовлетворенія нашимъ потребностямъ; въ настоящее же время мы можемъ сказать положительно, что наша наука не болѣе и не менѣе матеріальна, чѣмъ всѣ другія, и что богатство, рассматриваемое съ его вещественной стороны, не составляетъ единственнаго предмета ея изученія.

Предметъ политической экономіи — *полезная работа*, какъ средство для удовлетворенія потребностямъ; ея задача объяснить природу потребностей, опредѣлить силы, выполняющія полезную работу и свойства послѣднихъ, наконецъ показать какъ слагается хозяйственный порядокъ, въ которомъ полезная работа образуется въ непрерывно возрастающихъ размѣрахъ, размѣнивается и выдѣляется на долю каждаго въ видѣ дохода.

Постараемся въ краткомъ очеркѣ дать болѣе опредѣленный смыслъ означенному нами содержанию науки.

Мы называемъ потребностями — стремленія нашей природы къ достиженію цѣлей — частныхъ, семейныхъ, общественныхъ, къ обезпеченію нашего физическаго существованія, къ познанію истины, къ облагороженію духа искусствомъ, къ упроченію нравственныхъ отношеній въ обществѣ, и пр. Все, что служитъ для достиженія этихъ цѣлей имѣетъ въ глазахъ экономиста значеніе опредѣленнаго количества выполненной полезной работы, — она можетъ заключаться или въ предметахъ вещественнаго потребленія, или въ произведеніяхъ наукъ и художествъ, или въ дѣятельности нравственной. — Въ этомъ смыслѣ полезная работа представляется намъ какъ *годность* (*utilité, Nützlichkeit*), какъ средство для жизни и для развитія.

При такомъ понятіи о благахъ вещественныхъ и не-

вещественныхъ, въ которыхъ нуждается человекъ, естественно рождаются рядъ вопросовъ: какія силы выполняютъ полезную работу, въ какомъ порядкѣ онѣ обнаруживаются и какимъ образомъ этотъ порядокъ ведетъ къ главному результату — къ удовлетворенію нашихъ потребностей?

Силь, производящихъ полезную работу, двѣ — *природа и трудъ человека*. — Участіе природы въ производствѣ отличается, по преимуществу, даровымъ характеромъ, — участіе человека предполагаетъ вознагражденіе.

Провидѣніе поставило въ наше распоряженіе даровой матеріаль и даровыя силы природы. Мы не платимъ послѣдней за неорганическія вещества, заключенныя въ корѣ нашей планеты, за растительность, покрывающую землю, за животныхъ, составляющихъ ея населеніе; мы не платимъ за изумительную работу, выполняемую химическими и механическими дѣятелями — свѣтомъ, теплотой, электричествомъ, за силы, которыя распредѣляютъ влагу на земной поверхности, окрашиваютъ ея зеленый покровъ, поддерживаютъ и развиваютъ живущее. — Чувство благоговѣнія и признательности проникаетъ человека, когда умъ его, руководимый истиннымъ благочестіемъ, познаетъ въ обыкновенныхъ повседневныхъ явленіяхъ — величіе Бога, цѣлесообразность созданія и богатство даровъ, которыми мы надѣлены. Однакоже, не смотря на щедрость Провидѣнія, человекъ остался бы на низшей ступени общественнаго развитія, и могъ бы только прозябать, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, если бы онъ остался празднымъ и не успѣлъ связать своего труда съ работою силъ природы, если бы онъ не подчинилъ послѣднихъ своему изобрѣтательному генію.

Соединяя свой трудъ съ веществомъ и естественными силами, мы примѣняемъ первое къ нашимъ цѣлямъ и поль-

зуемся послѣдними для замѣна нашего труда. Подражая природѣ, которая посредствомъ теплоты, поднимаетъ воду на высоту облаковъ, для того чтобы падающимъ дождемъ наполнить ложбины рѣкъ и озеръ, человекъ заставилъ работать теплоту въ паровой машинѣ и замѣнилъ ею милліоны рабочихъ рукъ; не довольствуясь движущею силою пара, онъ овладѣлъ электрическимъ токомъ и уничтожилъ время и пространство для своей мысли. Въ настоящее время телеграфъ служитъ преимущественно для дѣлъ правительственныхъ и торговыхъ, — прійдетъ пора, когда онъ станетъ разносить сѣмена духовной жизни, когда онъ сдѣлается органомъ умственныхъ и нравственныхъ связей великой человѣческой семьи.

Но между тѣмъ какъ содѣйствіе природы имѣетъ даровой характеръ, полезная работа человека имѣетъ *цѣнность*; мы цѣнимъ ее потому что мы не хотимъ отдать произведеній нашего труда даромъ, какъ работы, стоившей намъ усилій, мы смотримъ на нее, какъ на наше достояніе, нашу собственность. — Такимъ образомъ понятія о цѣнности (*valueur*) и о собственности возникаютъ изъ понятія о трудѣ. — Наша собственность есть цѣнность нашей полезной работы, заключенной въ имуществахъ движимыхъ, недвижимыхъ, въ предметахъ потребленія, въ личныхъ услугахъ, и проч. (*).

Разсматривая наше достояніе, мы находимъ въ немъ непрерывное соединеніе даровой работы природы съ цѣнною работою человека: это какъ бы двѣ составныя части каждаго средства, служащаго для удовлетворенія нашимъ потребностямъ, двѣ части неразрывно связанныя въ различ-

(*) Называя содѣйствіе природы даровымъ, и приписывая цѣнность только труду и его произведеніямъ, мы имѣемъ въ виду естественныя свойства производительныхъ силъ. — Въ дѣйствительности цѣнность можетъ образоваться изъ монопольнаго пользованія силами природы, а произведенія труда могутъ быть даровыми, напр. въ греко-римскомъ мірѣ, въ колоніяхъ, населенныхъ неграми.

номъ отношеніи, опредѣляющемъ степень дешевизны и общедоступности произведеній. — Чѣмъ болѣе средство заключаетъ въ себѣ даровой полезной работы, тѣмъ легче пріобрѣтеніе его для человѣка, тѣмъ выше уровень общественнаго благоденствія, тѣмъ болѣе развита духовная жизнь общества; потому что оно въ меньшей степени занято матеріальною дѣятельностію, заботою о насущемъ.

Какимъ же образомъ достигается этотъ результатъ?

Онъ достигается: во 1-хъ при помощи *капитала* — накопленной полезной работы, выполненной трудомъ и природою; во 2-хъ въ хозяйственномъ устройствѣ, представляющемъ намъ порядокъ обнаруженія производительныхъ силъ, размѣнъ полезной работы и выдѣлъ доходовъ. Капиталь, т. е. накопленные предметы потребленія, машины, поземельная собственность и пр., не составляя самостоятельной производительной силы, служитъ орудіемъ для пробужденія даровой дѣятельности природы и для улучшенія труда. Хозяйственное устройство осуществляетъ на дѣлѣ — болѣе плодотворное употребленіе человѣческихъ усилій, возрастаніе даровой полезности и обращеніе ея въ наше общее достояніе.

Обращаясь къ экономическому строенію общества, мы замѣчаемъ, что порядокъ обнаруженія производительныхъ силъ опредѣляется ихъ свойствомъ. — Природа въ экономической жизни имѣетъ значеніе страдательное, — главнымъ распорядителемъ является человѣкъ; поэтому мы должны искать постепеннаго замѣна труда дѣятелями естественными въ обществѣ — въ семействѣ, въ общинѣ, въ государствѣ. Здѣсь человѣкъ представляется намъ съ болѣе или менѣе развитымъ кругомъ потребностей, съ пробудившимся сознаниемъ своей умственной и нравственной природы. Онъ чувствуетъ, что онъ

одинъ не въ состояніи удовлетворить и нуждамъ физическимъ и высшимъ духовнымъ стремленіямъ, что трудясь изолированно и заботясь о себѣ одномъ, онъ можетъ достигъ только самыхъ бѣдныхъ результатовъ; поэтому онъ ищетъ для своихъ способностей самага плодотворнаго употребленія. — Какъ глава семейства, онъ распредѣляетъ работу въ своей семьѣ, какъ членъ гражданскаго общества, онъ избираетъ дѣятельность спеціальную, разсчитывая на то, что въ трудѣ его нуждаются другіе и инстинктивно понимая, что всѣ прочіе, находясь въ такомъ же положеніи какъ и онъ, въ свою очередь могутъ быть полезны для него.

Такимъ образомъ разнообразіе потребностей, разнообразіе силъ и способностей, необходимыхъ для ихъ удовлетворенія — производятъ раздѣленіе занятій и труда. Каждый стремится занять мѣсто въ промышленности, въ умственной дѣятельности, въ государственной службѣ, и пр. Каждый старается избрать поприще, на которомъ онъ можетъ выполнить возможно-большее количество работы, полезной и прибыльной для него потому именно, что ее цѣнятъ, что въ ней нуждаются прочіе сотрудники. Но, обладая извѣстнымъ видомъ капитала и спеціальными познаніями, занимаясь однимъ какимъ либо дѣломъ, человекъ становится зависящимъ отъ другихъ; онъ долженъ разсчитывать на чужую полезную работу, или какъ на даръ, или какъ на цѣнность, приобретенную имъ за извѣстное вознагражденіе. — Разсчитывать на благотворительность можетъ только тотъ, кто не въ состояніи трудиться самъ; слѣдовательно для большинства существуетъ одинъ только способъ полученія необходимаго: мѣна произведенія на произведеніе, цѣнности на цѣнность, по взаимному, добровольному соглашенію.

Такимъ образомъ основы хозяйственнаго устройства заключаются въ раздѣленіи занятій и въ мѣнѣ, образующей связь между участниками въ производствѣ. — Разсмотримъ какимъ образомъ осуществляется экономія человѣческихъ силъ, въ слѣдствіе раздѣленія труда, мѣны и разнообразныхъ отношеній, которыя возникаютъ подъ вліяніемъ послѣдней.

Чѣмъ далѣе простирается дѣленіе занятій, тѣмъ менѣе нужно труда и капитала для выполненія необходимой полезной работы, тѣмъ производительнѣе бываютъ естественныя дѣятели. — Въ домахъ исчезаетъ толпа полупраздныхъ слугъ, потому что работа ихъ выполняется съ большимъ успѣхомъ частною предприимчивостію; домашнее образованіе уступаетъ мѣсто общественному, въ которомъ устраняется трата силъ, неизбѣжная въ томъ случаѣ, когда преподаваніе ограничивается двумя или тремя учениками. — Общественная жизнь представляетъ меньшее число случаевъ несообразнаго съ природою употребленія труда: рѣже и рѣже безсильныя мускулы художника предназначаются для механическихъ работъ, рѣже и рѣже слабый умъ челоука, богатаго силою физическою, бываетъ осужденъ на безплодныя попытки — придумывать, изобрѣтать, или руководить предпріятіемъ.

Наконецъ, чѣмъ далѣе простирается дѣленіе занятій, тѣмъ легче дать силамъ природы примѣненіе болѣе обширное и сообразное съ мѣстными условіями. Примѣненіе это становится легко, когда сложная дѣятельность труда разбита на простыя механическія операціи, когда для выполненія послѣднихъ употребляется въ дѣло не рука челоука, но колесо, рычагъ, клещи машины, приводимой въ движеніе водою, паромъ, или электричествомъ, когда земля воздѣлывается сообразно съ ея свойствами, когда неровности за-

нимаются виноградниками, лѣсами и садами, равнины — пашнями и лугами; когда имѣется въ виду, не снабженіе хозяйства домашняго, но дешевая и обильная жатва.

Это огромное сбереженіе труда и это успѣшное пользование силами природы предполагаютъ, какъ мы замѣтили выше, существованіе мѣны. — Мѣна не только дѣлаетъ возможнымъ, для человѣка, занимающагося однимъ какимъ либо родомъ дѣятельности, пользование работою другихъ; но она составляетъ сущность экономическихъ отношеній и уславливаетъ собою гармоническое, стройное развитіе общественнаго порядка.

Если бы мѣна происходила только между двумя лицами, то они, при оцѣнкѣ, принимали бы во вниманіе одну настоятельность потребности, да трудность удовлетворить послѣдней собственными силами. Но въ общежитіи подобныя отношенія составляютъ исключеніе: мѣняющіяся стороны находятъ соперниковъ, которые занимаются одинаковымъ производствомъ. Соперничество составляетъ необходимое условіе мѣны, безъ него эта сдѣлка имѣла бы, по большей части, характеръ насилія и частнаго произвола. Отсутствіе соперничества — есть отсутствіе жизни общественной и ея необходимыхъ принадлежностей — раздѣленія труда, права собственности и личной хозяйственной самостоятельности. — Но, какъ ни естественно это явленіе, однакоже вѣрное пониманіе его ведетъ къ рѣшенію самыхъ трудныхъ экономическихъ вопросовъ. — Соперничество — это вѣсы, на которыхъ опредѣляется справедливое вознагражденіе за предметъ мѣны, — это невидимый распредѣлитель работъ въ обществѣ, сообразно съ существующимъ на нихъ запросомъ, — это сила, дѣлающая дары природы достояніемъ не частнаго

производителя, который употребляет ихъ въ дѣло, но чело-
вѣчества, которому они даны.

Находя соперниковъ, по обмѣну извѣстнаго рода
издѣлій или труда, производитель вынужденъ доволь-
ствоваться вознагражденіемъ, соразмѣрнымъ съ употре-
бленными имъ усиліями. — Если требованія его несо-
размѣрно велики, то лица, которыя вступаютъ съ нимъ въ
мѣновыя сдѣлки, предпочтутъ обратиться къ его занятіямъ,
какъ наиболее прибыльнымъ, усилятъ предложеніе этого вида
труда или его произведеній, и низведутъ вознагражденіе
до предѣла, сообразнаго съ справедливостію. — На оборотъ,
если оцѣнка промѣниваемаго слишкомъ низка, то самъ про-
изводитель оставитъ прежній промыселъ и поищетъ такого,
въ которомъ заработокъ значительнѣе. — Такимъ образомъ
соперничество, не встрѣчающее преградъ, напр. монополь-
ныхъ правъ на занятіе промышленностію, является главнымъ
распредѣлителемъ работъ, который взвѣшиваетъ выгоды ча-
стныя и выгоды общественныя, направляетъ трудъ къ пред-
пріятіямъ наиболее прибыльнымъ, но въ то же время и наи-
болѣе необходимымъ для частныхъ лицъ, какъ это доказы-
ваютъ высокія цѣны, установленныя потребителями. Нако-
нецъ соперничество заключаетъ въ себѣ сильнѣйшее побу-
жденіе къ замѣну силъ челоѣка силами природы, къ обра-
щенію даровъ послѣдней общественное достояніе. Низводя
вознагражденіе до крайняго предѣла, соперничество манитъ
челоѣка надеждою на богатую прибыль, если ему удастся
производить болѣе, употребляя то же количество труда, или
издержекъ; другими словами, если онъ успѣетъ удешевить
свои произведенія. — Оно не обманываетъ этой надежды,
щедро награждаетъ изобрѣтателя, или нововводителя полез-

ныхъ открытій, но въ то же время, не позволяетъ ему дремать и беззаботно пользоваться трудомъ другихъ людей на счетъ природы, которую онъ заставилъ работать за себя. Оно окружаетъ его толпою подражателей, сулитъ имъ награду за проникновеніе въ чужую тайну, за рискъ, соединенный съ попыткою въ дѣлѣ новомъ, наконецъ — усиливаетъ производство, увеличиваетъ предложеніе и низводитъ плату, получаемую производителями, до того предѣла, когда она ограничивается вознагражденіемъ за одинъ только трудъ. Такимъ образомъ соперничество заставляетъ человѣка искать для себя даровыхъ сотрудниковъ, за которыхъ онъ могъ бы получать плату, и въ то же время оно слѣдитъ за тѣмъ, чтобы эти работники, вознаградивъ производителя, за призваніе ихъ къ дѣятельности, сдѣлались какъ можно скорѣе безкорыстными тружениками для блага общаго.

Намъ остается присоединить къ предъидущему нѣсколько замѣчаній, для того чтобы оцѣнить вполне значеніе мѣны. Составляя естественный способъ выдачи вознагражденія каждому изъ производителей, мѣна распредѣляетъ доходы: она выдѣляетъ поземельному владѣльцу — ренту, капиталисту — процентъ, работнику — задѣльную плату, предпринимателю — промышленную прибыль. Такимъ образомъ должно искать объясненія происхожденія доходовъ и измѣненія ихъ величины въ порядкѣ совершенія мѣны, въ большей или меньшей легкости обращенія, зависящаго отъ свойства кредита, въ условіяхъ, при которыхъ мѣна имѣетъ мѣсто, въ болѣе или менѣе ограниченномъ соперничествѣ между поземельными собственниками, капиталистами и работниками.

Но доходъ служитъ не для одного удовлетворенія потребностямъ; мѣна, принимая за точку отправленія право

собственности (мы можем промѣнивать отъ своего имени только то, что намъ принадлежитъ), ведетъ къ образованію послѣдней изъ доходовъ, получаемыхъ производителями. По этому связь между собственностію, трудомъ, мѣною, соперничествомъ, доходами и общественнымъ благосостояніемъ можетъ быть выражена слѣдующимъ образомъ: *болѣе или менѣе полное право собственности на трудъ выражается въ обширности мѣновыхъ сдѣлокъ, въ полнотѣ соперничества, въ соразмѣрности доходовъ, въ степени удовлетворенія потребностямъ, въ мѣрѣ накопленія вещественнаго имущества и въ развитіи духовныхъ силъ народа.*

Мы сдѣлали попытку изобразить немногими чертами главныя явленія въ хозяйственномъ устройствѣ человѣческихъ обществъ. Намъ могутъ противопоставить дѣйствительность и спросить насъ: неужели мы полагаемъ возможнымъ заключить въ эти опредѣленныя и тѣсныя границы богатство формъ и безконечное разнообразіе экономическихъ отношеній? Неужели Востокъ, Греко-римскій міръ Средніе вѣка, настоящая Западная Европа, Россія, Америка не представляютъ намъ рѣзкихъ особенностей, выработанныхъ гениемъ народа, мѣстными условіями, среди которыхъ онъ развивался и мощною силою его исторической судьбы? Мы далеки отъ этого мертваго взгляда на науку и на предметъ ея изслѣдованій: мы не думали сглаживать въ ней все различій и вводить въ нее внѣшнее искусственное единство: мы искали единства живаго, внутренняго, которое, не исключая разнообразія, позволяетъ замѣчать *однородное*, и обнять совокупность хозяйственныхъ явленій, по видимому имѣющихъ мало общаго между собою, какъ одно цѣлое, пови-
нующееся однимъ и тѣмъ же закономъ.

Мы считали необходимымъ упомянуть объ этомъ: экономистовъ нерѣдко упрекаютъ въ томъ, что положенія ихъ науки составляютъ плодъ изученія Западной Европы, и не имѣютъ примѣненія у насъ, что современная политическая экономія не знаетъ народовъ съ ихъ вѣковыми преданіями, самобытнымъ развитіемъ, что она даетъ предметамъ своихъ изслѣдованій безцвѣтный оттѣнокъ книжнаго космополитизма, и проч., и проч.

Упреки эти носятъ печать наивной искренности.— Ихъ высказываютъ люди, которые не подозреваютъ, что ихъ замѣчанія могли бы быть сдѣланы физиологу въ слѣдующей формѣ: „вы пишете о кровообращеніи, о дѣятельности нервной системы, но наблюденія ваши сдѣланы надъ чужеземцами; увѣрены ли вы въ томъ, что кровь также точно течетъ въ жилахъ русскаго, и что нервы его по тѣмъ же законамъ передаютъ воспринимаемая ощущенія? Мы живемъ другою жизнію, ваши физиологическіе выводы имѣютъ безцвѣтный космополитическій характеръ.“ — Общественное мнѣніе на столько просвѣщено, чтобы признать невѣжественными подобныя выходки; но оно считаетъ ихъ довольно естественными, и не противорѣчащими здравому смыслу, когда ихъ относятъ къ политической экономіи.

Повторяемъ еще разъ, что мы не считаемъ хозяйственнаго устройства однообразнымъ и неизмѣннымъ, во всѣхъ вѣкахъ и у всѣхъ народовъ; но различія, замѣчаемая нами въ экономическихъ явленіяхъ, не заслоняютъ отъ насъ однородности послѣднихъ и представляются намъ какъ выраженіе общихъ экономическихъ началъ. — Исключенія, случайность, игру природы умѣютъ находить только тѣ поверхностные умы, которые не постигаютъ общихъ законовъ

естества, установленныхъ Богомъ, и не въ состояніи возвыситься до пониманія стройности и гармоніи созданія.

Зная общій хозяйственный порядокъ, не трудно указать на причины его разнообразія.

Физическія особенности страны, свойства и характеръ племени, все это въ совокупности даетъ особенный оттънокъ потребностямъ, опредѣляетъ степень ихъ развитія, слѣдовательно, — въ общихъ чертахъ, экономическую дѣятельность общества.

Далѣе мы сказали, что въ этой дѣятельности принимаютъ участіе и природа и человѣкъ. — Мѣра участія обоихъ зависитъ хотя не вполне, но главнымъ образомъ отъ того въ какой степени цѣнная полезная работа составляетъ собственность производителя. — Общественное устройство, выработанное историческимъ ходомъ вещей, полагаетъ извѣстныя преграды для употребленія труда и для пользованія его результатами. — Не одни законы, опредѣляющіе права сословій и частныхъ лицъ на занятія тою или другою дѣятельностію; не одни финансовыя и полицейскія учрежденія, поставляющія границы для частной предпримчивости въ интересъ цѣлаго; но обстоятельства, находящіяся внѣ круга юридическихъ постановленій — умственное техническое и нравственное образованіе народа, сила обычаевъ и привычекъ — дѣйствуютъ также могущественнымъ образомъ на установленіе разнообразныхъ отношеній въ порядкѣ владѣнія, пользованія и распоряженія правомъ собственности. Однако же не смотря на всѣ различія, вносимыя въ экономическій бытъ условіями, подъ вліяніемъ которыхъ онъ сложился, можно ли сказать, что кромѣ природы и человѣка, есть еще другіе дѣятели? Можно ли утверждать, что осно-

ваніе происхожденія собственности заключается не въ цѣнности полезной работы, выполненной человекомъ, а въ чемъ-нибудь другомъ? Если средневѣковая поземельная собственность возникла главнымъ образомъ изъ права завоеванія, слѣдуетъ ли изъ этого, что общее положеніе наше невѣрно? Фактъ насилія нимало не измѣнилъ природы экономической жизни и ея законовъ; напротивъ, въ теченіи долгихъ вѣковъ, сила вещей сглаживала слѣды, оставленные завоеваніемъ, и сдѣлала наконецъ то, что право, возникшее изъ завоеванія, опирается въ настоящее время преимущественно на затратъ и капитализаціи полезной работы труда.

Продолжая слѣдить причины различій въ хозяйственномъ быту народовъ, мы находимъ ихъ въ степени раздѣленія занятій, простирающемся отъ образованія главныхъ отраслей народной дѣятельности—земледѣлія, мануфактуръ, торговли, администраціи и. т. д., до дѣленія труда въ одномъ и томъ же предпріятіи на самыя простыя отправленія. Этотъ техническій порядокъ, самъ по себѣ, становится виною разнообразныхъ отношеній между трудящимися—между простыми работниками—исполнителями, и работниками, руководящими всѣмъ ходомъ предпріятія; онъ усложняется отъ участія накопленной полезной работы въ производствѣ, отъ принадлежности этого капитала, его сосредоточенія, дробленія, и проч.

Переходя къ мѣновымъ сдѣлкамъ, мы вступаемъ въ область хозяйственныхъ отношеній еще болѣе разнообразную: способы оцѣнки промѣниваемого, орудія обращенія, условія въ мѣновыхъ сдѣлкахъ, тождественныя по существу своему, носятъ вездѣ печать общественнаго развитія, естественныхъ и историческихъ причинъ. Само соперничество

устанавливается под влиянием ограниченной, частью зависящих от предѣловъ, назначенныхъ для труда и его дѣятельности, частью отъ народной образованности, и отъ общедоступнаго пользованія силами природы, частью — отъ сознанія необходимости установить равновѣсіе силъ, нарушаемое столкновениемъ свободы промышленности съ привилегіями. — Духъ товарищества, проявляющійся съ такою силою въ извѣстныя эпохи, не всегда бываетъ слѣдствиемъ безсилія частныхъ лицъ, при выполненіи хозяйственныхъ предпріятій; онъ имѣетъ и другое назначеніе — противопоставить монополіямъ добровольное ограниченіе беспорядочнаго соперничества.

При такомъ взглядѣ на предметъ изслѣдованій нашей науки, мы въ правѣ сказать, что задача ученаго состоитъ не въ изложеніи общихъ отвлеченныхъ понятій — общаго хода экономическаго процесса; но въ изученіи многообразныхъ формъ дѣйствительности, въ раскрытіи смысла послѣдней, въ познаніи законовъ, которые господствуютъ среди разнообразія и мнимой случайности явленій. Для того чтобы удовлетворить современнымъ требованіямъ, политическая экономія должна заниматься изслѣдованіемъ того что существуетъ — явленій, фактовъ, и строить свои положенія на исторической основѣ, — на знаніи постепеннаго развитія формъ въ экономической исторіи. При такомъ способѣ обработки, понятія: полезность, цѣнность, раздѣленіе труда, производство, мѣна, соперничество и обращеніе получаютъ живой интересъ, пробуждаемый соприкосновениемъ съ дѣйствительностію, и экономисты перестаютъ тратить время на построеніе системъ изъ отвлеченныхъ началъ, выведенныхъ ихъ предшественниками, на схоластическіе споры

о томъ, какіе оттѣнки и подраздѣленія допускаетъ понятіе цѣнности; на споры, въ которыхъ выдуманные примѣры замѣняютъ дѣйствительность, а сила логическихъ построений, и умозрительныя доказательства — ясный и убѣдительный языкъ фактовъ.

Положительно — историческая обработка политической экономіи не составляетъ задачи для будущаго: историческая школа имѣетъ уже достойныхъ представителей въ лицѣ Де-Жерандо, Валлона, Клемана и ми. др., въ особенности же Рошера, который можетъ быть названъ ея основателемъ, потому что въ его «народной экономіи» методъ этотъ получилъ примѣненіе не къ изслѣдованію отдѣльныхъ предметовъ, но къ цѣлой системѣ науки.

Это новое направленіе, обѣщающее и богатую жатву экономическихъ истинъ, и прекрасные плоды для дѣятельности практической, заключаетъ наши изслѣдованія въ предѣлы возможнаго. Оно не имѣетъ притязанія открыть законы хозяйственные путемъ математическихъ вычисленій — для этого быть можетъ не доросли — и политическая экономія, и математика. — Если математика не можетъ отыскивать законовъ для кровообращенія, потому что движеніе крови находится подъ вліяніемъ сложныхъ условій; то, безъ сомнѣнія, нельзя думать о томъ, какъ бы облечь въ математическую формулу движеніе цѣнъ, или доходовъ, зависящее отъ совокупнаго вліянія разнообразныхъ причинъ, не всегда дѣйствующихъ съ одинаковою силою. Все, что мы можемъ сдѣлать, для строгой точности нашихъ выводовъ, состоитъ въ употребленіи статистическихъ приѣмовъ, при изученіи хозяйственныхъ явленій, и въ примѣненіи къ немногимъ частнымъ случаямъ теоріи вѣроятностей. — Отъ этого далеко

до построения цѣлой науки по математическому методу, какъ пытались сдѣлать Казо, Курно, Госсенъ и нѣкот. др. — Равнымъ образомъ историческое направленіе не имѣетъ притязанія создать идеаль хозяйственнаго порядка; оно не говоритъ о томъ, что *должно быть*, и не требуетъ замѣны настоящаго устройства построениями фантастическими. Общественная утопія въ его глазахъ не болѣе какъ интересное психологическое явленіе, возникающее при всеобщемъ потрясеніи понятій о правѣ и законности, и при крайней противоположности между бѣдностію и богатствомъ. — Историческая школа признаетъ: что степень развитія и свойство народнаго образованія, что юридическій бытъ упроченный вѣками и что техническая сторона народной дѣятельности — заключаютъ въ себѣ и роковую необходимость для существующаго, и условія для возможнаго успѣха. Если она допускаетъ стремленіе къ идеалу, то этотъ идеаль ничто иное, какъ самая дѣйствительность, какъ общество съ его настоящимъ устройствомъ, въ которомъ нравственныя силы начинаютъ дѣйствовать съ болѣею энергіею, потребность въ образованіи становится болѣе настоятельною, чувство права и неправа вызываетъ сознательное стремленіе въ выполненію долга. — Только при такомъ духовномъ пробужденіи, совершается мирное внутреннее пересозданіе, которое не превращаетъ стараго въ развалины, и не даетъ въ новомъ однѣхъ безжизненныхъ формъ. — Такимъ образомъ положительно — историческое направленіе отнимаетъ у юношеской фантазіи мечтательную перспективу общественныхъ успѣховъ, и переноситъ человѣка, въ раннюю пору его жизни, въ среду гдѣ онъ росъ и образовался, и гдѣ надо подумать не о счастіи рода человѣческаго, но о выполненіи своего долга.

Опредѣливъ предметъ и свойство изслѣдованій нашей науки, мы можемъ перейти къ разсмотрѣнiю первой части нашей задачи: какое мѣсто принадлежитъ политической экономiи въ системѣ народнаго образованiя?

Здѣсь мы должны рѣшить: во 1-хъ слѣдуетъ ли отнести ее къ предметамъ общенароднаго обученiя, или же она должна войти только въ составъ университетскихъ курсовъ; во 2-хъ, если политическая экономiя составляетъ принадлежность высшаго образованiя, то въ какой разрядъ наукъ она должна быть помѣщена?

Въ новѣйшее время, въ особенности съ тѣхъ поръ какъ ложныя понятiя объ общественномъ устройствѣ сдѣлались опасными для внутренняго порядка въ европейскихъ государствахъ, ученые стали доказывать, что политическую экономiю слѣдовало бы преподавать въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведенiяхъ. — Эту мысль отстаивалъ Росси, въ урокахъ, читанныхъ имъ въ 1837—39 годахъ; съ 1848 года она приобрѣла еще большiй вѣсъ, и наконецъ получила практическое примѣненiе въ Англии. По словамъ архіепископа дублинскаго Уэтли (Whateley), произнесеннымъ въ торжественномъ собранiи Дублинскаго статистическаго общества, въ 1848 году, политическая экономiя введена въ 4000 англійскихъ школъ. Вилльямъ Эллисъ составилъ небольшое руководство для начальныхъ училищъ и съ успѣхомъ самъ занимался преподаванiемъ. — Такимъ образомъ примѣръ Англии доказалъ возможность знакомить дѣтей съ наукою, которая кажется многимъ довольно трудною для ранняго возраста по отвлеченности и по спорному характеру своихъ положенiй.

Возможность преподаванiя не доказываетъ однакоже

его необходимости. Безъ сомнѣнія полезно распространять здравыя экономическія понятія, особенно тогда, когда толпа въ своемъ ослѣпленіи начинаетъ думать, что ея благосостояніе и ея нравственность зависятъ не отъ выполненія каждымъ своего долга, а отъ воли общественной власти, которой стоитъ только захотѣть, чтобы осчастливить всѣхъ и cadaго, дать человѣку довольство и возвратитъ ему право на самоуваженіе; но едва ли одно преподаваніе науки просвѣтитъ народъ. — Крохи знанія, оставшіяся въ памяти не развитаго человѣка, недостаточны, для того чтобы дать ему надежную защиту противъ лжеученій. Свѣдѣнія экономическія, сообщенныя въ то время, когда они имѣютъ только теоретическій интересъ, и еще не получили для учащагося значенія практическаго, не могутъ дать ему твердыхъ убѣжденій. — Мы говоримъ это съ увѣренностію, потому что и зрѣлые умы не всегда бываютъ защищены отъ обаятельной силы софизма и — что въ природѣ человѣка переживать заблужденія и отказываться отъ нихъ. — Намъ кажется, что для болѣе успѣшной борьбы слѣдовало бы употребить другую мѣру — устранять по возможности поводы къ образованію ложныхъ понятій о хозяйственномъ порядкѣ въ обществѣ, пробуждая большую самостоятельность, отдаляя препятствія, встрѣчаемыя частнымъ трудомъ, приготовляя человѣка образованіемъ къ лучшему выбору поприща, на которомъ онъ можетъ трудиться съ полнымъ успѣхомъ. — Въ особенности послѣднее имѣетъ въ глазахъ нашихъ наибольшую цѣну. Примѣненіе науки къ промышленности дѣлаетъ въ настоящее время огромные успѣхи, поэтому оставить работника въ невѣдѣніи свойства и образа дѣятельности силъ природы, — значитъ осудить его на пролетаріатъ, от-

давъ ему въ удѣлъ печальную роль механическаго двигателя, — значить обречь самое общество на застою и униженіе, подчинивъ его иноземному преобладанію. — Здравыя экономическія понятія скорѣе могутъ быть приобрѣтены въ здоровой средѣ общественной жизни, въ возрастѣ зрѣломъ, изъ обще-доступныхъ политико-экономическихъ сочиненій, чѣмъ свѣдѣнія изъ химіи, физики и механики, составляющія основаніе всего техническаго образованія, столь отсталого у всѣхъ образованныхъ народовъ. — Намъ кажется, что прежде чѣмъ можетъ быть рѣчь о преподаваніи въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ политической экономіи, географіи, исторіи и др. наукъ, составляющихъ, при настоящемъ положеніи вещей, роскошь образованія, слѣдовало бы обратить вниманіе на насущно-необходимое для упроченія, какъ благосостоянія частныхъ лицъ, такъ и вещественнаго могущества государства. Безъ этого нравственныя силы духа могутъ изумлять великостію мужества, самопожертвованія, и въ свою очередь терпѣть отъ внѣшняго преобладанія матеріальныхъ силъ, созданныхъ человѣческимъ умомъ.

Мы надѣемся, что никто не сдѣлаетъ изъ сказаннаго нами заключенія, что мы принадлежимъ къ числу противниковъ распространенія политико-экономическихъ свѣдѣній; мы понимаемъ всю пользу, которую могли бы извлечь — и земледѣльцы и работники, и мануфактуристы изъ знанія причинъ, которыя имѣютъ вліяніе на цѣны продуктовъ, на судьбу настоящаго рынка, и т. д. Политическая экономія, развивая вѣрныя представленія о жизни дѣйствительной, укрощая безсмысленный ропотъ на судьбу, или на общественныя несправедливости, учитъ въ то же время соображать, предвидѣть и искать средствъ, для того чтобы

обеспечить труду наибольшее вознаграждение. Товарищества, кредитъ, частная поземельная собственность сдѣлали бы большіе успѣхи, при распространеніи хозяйственныхъ знаній. Мы признаемъ все это вполне справедливымъ, но думаемъ, что вводить политическую экономію въ систему низшаго народнаго обученія, особенно у насъ, еще слишкомъ рано, — она не успѣла пустить корня въ образованіи высшемъ, разсѣять дѣтскихъ предразсудковъ и невѣжества въ сословіяхъ, занимающихъ первыя общественныя ступени. — Большинство населенія въ просвѣщенныхъ государствахъ неграмотно и не учится тому, что необходимо знать для приобрѣтенія куска хлѣба, для службы отечеству въ подчиненныхъ родахъ дѣятельности, для достиженія умственной и матеріальной независимости отъ иностранцевъ; гдѣ же думать о политико-экономическихъ урокахъ для народа? Имѣетъ ли онъ досугъ? Если это возможно, то это не болѣе какъ частный случай, весьма отраднѣй, но не дающій намъ права сдѣлать общее заключеніе. Поэтому, сочувствуя попыткамъ популяризировать нашу науку, мы остаемся при убѣжденіи, что ей должно предшествовать преподаваніе химіи, физики, механики, технологіи и пр.

По нашему мнѣнію политическая экономія имѣетъ несравненно большее значеніе, какъ составная часть высшихъ университетскихъ курсовъ. И здѣсь мы далеки отъ того, чтобы доказывать связь нашей науки со всѣми отраслями человѣческихъ знаній, или необходимость ея для каждаго образованнаго человѣка: мы думаемъ что высшее образованіе должно быть спеціальнымъ въ строгомъ смыслѣ слова, и чѣмъ далѣе проведено разграниченіе преподаваемыхъ предметовъ, тѣмъ болѣе можно ожидать самостоятельности въ

наукъ и плодотворнаго вліянія ея на практическую жизнь. Бѣдность ученой литературы бываетъ нерѣдко слѣдствіемъ энциклопедическаго образованія, которое не даетъ ни опредѣленнаго направленія нашимъ занятіямъ, ни твердой опоры для нашего умственнаго развитія.

Для того, чтобы рѣшить въ какіе курсы слѣдуетъ включить политическую экономію и на какомъ основаніи — необходимо обозначить мѣсто, которое она занимаетъ въ ряду нашихъ знаній. — На это указываетъ довольно ясно самый предметъ ея изслѣдованій — отношенія, возникающія между людьми, при обнаруженіи ими дѣятельности, направленной къ выполненію полезной работы, какъ средства для удовлетворенія нашимъ потребностямъ. Отношенія эти возникаютъ тогда, когда трудъ человѣка соединяется съ силами природы въ различныхъ отрасляхъ промышленности: добывающей, земледѣльческой, мануфактурной, торговой и пр.; поэтому наука наша вступаетъ въ тѣсную связь съ знаніями техническими (если только можно назвать этимъ словомъ изслѣдованія агрономическія, технологическія, и т. д.). Далѣе, общественныя экономическія отношенія получаютъ прочное бытіе только тогда, когда они принимаютъ юридическій характеръ, когда законъ устанавливаетъ для нихъ нормы, возводитъ ихъ на степень права и поставяетъ подъ защиту общественной власти — отсюда связь права съ политическою экономіею. — Наконецъ, такъ какъ хозяйственныя отношенія опредѣляютъ въ извѣстной мѣрѣ свойство другихъ общественныхъ явленій, а экономическое развитіе имѣетъ огромное вліяніе на историческую будущность народовъ; — то мы вправѣ признать средство нашей науки съ статистикою и исторіею.

Основываясь на этомъ, мы полагаемъ, что политиче-

ская экономія должна быть включена въ составъ преподаванія техническаго, юридическаго и историческаго; — но одно указаніе на связь между содержаніемъ предметовъ, на соприкосновеніе между ними, не даетъ намъ права утверждать этого положительнымъ образомъ. Мы должны подчеркнуть наше убѣжденіе въ полномъ развитіи нашихъ мыслей. Поэтому обратимъ вниманіе на то: въ какой степени и какимъ образомъ можетъ содѣйствовать политическая экономія основательному изученію означенныхъ нами отраслей знанія.

Начнемъ съ техническихъ наукъ. — Мы признаемъ ихъ главною задачею: способствовать основанію промышленныхъ пріемовъ на изученіи природы химическихъ и механическихъ дѣятелей, для того чтобы достигнуть наибольшихъ результатовъ — выполненія наибольшаго количества полезной работы.

Разсматривая производительныя силы отвлеченно, независимо отъ совокупности общественныхъ отношеній, отъ конечной цѣли, для которой предназначены произведенія труда и силъ природы, техническія науки не говорятъ о томъ какую энергію черпаетъ человѣкъ и повинующаяся ему матерія въ порядкѣ общественныхъ хозяйственныхъ отношеній; они не изучаютъ свойства и вліянія послѣднихъ на возможность и на успѣхъ техническихъ улучшеній. Слѣдствія недостатка экономическихъ свѣдѣній представляются намъ съ большею очевидностію, если мы коснемся въ частности агрономическаго, технологическаго и торговаго образованія.

Безъ знанія политической экономіи, агрономъ — опредѣлитъ вліяніе удобреній и разрыхленія почвы на пробужденіе и на развитіе органической жизни; вычислитъ величину издержекъ, при томъ или другомъ методѣ воз-

дѣлыванія земли; оцѣнить возможные результаты и, основываясь на знаніи законовъ и явленій естества, докажетъ безотносительное превосходство тѣхъ или другихъ сельскохозяйственныхъ мѣръ: но онъ останется въ невѣдѣніи многихъ предметовъ весьма существенныхъ и важныхъ, для опредѣленія практической примѣнимости выводовъ его науки. Способы удобренія и воздѣлыванія земли зависятъ отъ устройства поземельной собственности, отъ отношеній, существующихъ между земледѣльцами и землевладѣльцами, отъ состоянія внутренняго и внѣшняго рынка, отъ сбыта, накопленія капиталовъ, развитія кредита, и пр., и пр. Только при точномъ знаніи общественнаго экономического порядка можно рѣшиться на попытку въ дѣлѣ новомъ и стать въ ряду людей, идущихъ съ успѣхомъ впереди своего вѣка. Мы смѣло можемъ сказать, что жалобы на сельско-хозяйственные науки и на предложенныя ими усовершенствованія, — на такъ называемыя *заморскія выдумки* происходятъ по большей части сколько же отъ технической отсталости и недостатка снаровки, сколько и отъ глубокаго политико-экономическаго невѣжества. Большинство такъ привыкло обсуживать народное хозяйство по своимъ личнымъ впечатленіямъ, что оно даже и не подозреваетъ необходимости изучать явленія, непрерывно повторяющіяся въ его глазахъ. Оно не можетъ представить себѣ, что многія техническія улучшенія становятся возможными, только при большемъ распространеніи личной земледѣльческой собственности, при болѣе развитомъ раздѣленіи труда и т. п. Правда, можно указать и на смѣлые умы, которые вѣрятъ въ науку сельскаго хозяйства, но только въ ту, которую самородные геніи будутъ развивать самостоятельно, не руководствуясь

чужимъ, негоднымъ для насъ опытомъ, — какъ будто бы законы природы, дѣйствующіе въ области сельско-хозяйственной, соображаются съ племенными различіями, какъ будто бы наука не обнимаетъ всего разнообразія явленій!

Мы коснулись знаній о земледѣльческой промышленности, въ которой примѣненіе механическихъ двигателей довольно ограничено; обратимъ вниманіе на другой отдѣлъ техническихъ наукъ, занимающихся изученіемъ фабричнаго и заводскаго производства, гдѣ паръ, а съ недавняго времени электричество, играютъ первостепенную роль, какъ силы замѣняющія нашъ физическій трудъ, гдѣ химическій процессъ поставяетъ ходъ и результаты производства въ полную зависимость отъ человѣка.

Если технологія, не имѣя въ виду одного какого либо идеала производства, поставяетъ своею задачею начертаніе правилъ для возможно выгоднаго сочетанія химическихъ и механическихъ силъ, при данныхъ условіяхъ; то мы можемъ сказать съ полнымъ правомъ, что расчетъ ея не можетъ быть сдѣланъ безъ помощи политико-экономическихъ соображеній. — Укажемъ хотя на нѣкоторыя изъ нихъ, имѣющія по нашему мнѣнію первостепенное значеніе. При основаніи предпріятій необходимо обратить вниманіе: на положеніе денежнаго рынка и на количество капиталовъ свободныхъ, ищущихъ затраты, (въ особенности когда капитала нѣтъ на лицо, когда онъ долженъ быть собранъ подпискою, или продажею акцій); далѣе на пріобрѣтеніе сыраго матеріала, именно — на естественныя преимущества государства относительно производства, или покупки переработываемыхъ произведеній, для того чтобы знать: не можетъ ли потерпѣть предпріятіе отъ измѣненія таможенныхъ

тарифовъ; затѣмъ слѣдуетъ опредѣлить количество рабочихъ силъ, т. е.: въ какой степени можно рассчитывать на наемныхъ, пріученныхъ къ дѣлу, или даже на простыхъ рабочихъ; наконецъ необходимо имѣть свѣдѣнія о рынкѣ — т. е. о размѣрахъ какъ внутренняго такъ и внѣшняго сбыта, зависящаго отъ состоянія доходовъ частныхъ лицъ. — О всѣхъ этихъ предметахъ нельзя судить ни по вдохновенію, ни по внушенію одного здраваго смысла; потому что они относятся къ тѣмъ сложнымъ хозяйственнымъ явленіямъ, для пониманія которыхъ необходимо основательное политико-экономическое образованіе. — Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, для того чтобы технологія была знаніемъ практическимъ, необходимо чтобы технологъ видѣлъ далѣе паровой машины, или химической реторты: онъ долженъ понимать общественныя условія, опредѣляющія размѣры предприятий, выгоды того или другаго способа производства, виды возможныхъ улучшеній и будущность извѣстной промышленности.

Переходя къ такъ называемой наукѣ о торговлѣ, мы обращаемся частію къ тѣмъ элементарнымъ даннымъ, которыя служатъ матеріаломъ для политико-экономическихъ выводовъ, частію же къ изложенію мѣновыхъ операцій, которыя входятъ въ составъ торговыхъ знаній своею техниче-скою стороною и подлежатъ изученію нашей науки со стороны общественной. — Въ наукѣ о торговлѣ есть цѣлые отдѣлы, которыхъ нельзя понимать безъ помощи политической экономіи — я разумѣю статьи о кредитныхъ оборотахъ, о правахъ торгующихъ сословій, о видахъ торговли оптовой, розничной, ярмарочной, о перемѣнахъ въ нихъ происходящихъ, и пр. Намъ могутъ возразить, что купцы по

большей части не изучаютъ теоріи народнаго хозяйства, однако же умѣютъ вести свои дѣла и наживать большіе капиталы. — Мы вовсе не оспариваемъ даровитости людей, которые въ наукѣ умѣютъ довольствоваться малымъ, а въ жизни практической приходятъ къ большимъ результатамъ; но намъ кажется, что успѣхъ говоритъ самъ за себя только тогда, когда онъ основанъ на предвидѣніи, расчетѣ, на нормальномъ положеніи вещей, а не на случайности, которая играетъ главную роль въ происхожденіи современныхъ торговыхъ богатствъ. — Случайность, выведившая въ люди расторопнаго аффериста, при дальнѣйшемъ развитіи экономическомъ, должна уступить мѣсто знанію и правильному соображенію — надежнымъ руководителямъ дѣятельнаго труда, вѣрнымъ поручителямъ за выдѣлъ должнаго вознагражденія. Мы думаемъ, что знаніе политической экономіи не разорило еще ни одного предпринимателя; напротивъ того часто научало его какимъ образомъ онъ можетъ основать свои выгоды, на споспѣшествованіи благосостоянію другихъ. Промѣнный банкъ Боннара выдалъ своимъ акціонерамъ въ прошедшемъ году 25 % и никто не имѣетъ права сказать, что этотъ огромный капитальный доходъ былъ слѣдствіемъ — спекуляціи на безнравственныя страсти, уклоненія отъ исполненія фискальных постановленій, сдѣлокъ съ подрядчиками, и т. п. Доходъ этотъ былъ слѣдствіемъ операцій, которыя облегчали приобрѣтеніе собственности бѣднѣйшими сословіями, содѣйствовали погашенію частныхъ долговъ, сбыту произведеній, залежавшихся у производителей, и основанію предпріятій, обогащавшихъ государство.

Вотъ почему мы думаемъ, что политическая экономія должна быть включена въ курсъ наукъ техническихъ. — Она

возвыситъ агронома и технолога надъ природою вещества, орудій и силъ, которыми онъ окруженъ; она напомнитъ ему, что онъ дѣйствуетъ среди людей, отъ экономическаго положенія которыхъ зависитъ примѣненіе его спеціальныхъ знаній, матеріальные выводы предпріятія, даже свойство нравственной и умственной атмосферы его окружающей; она научитъ его соглашать свои цѣли съ цѣлями другихъ — искать для нихъ единства, если грозитъ разладъ; и поможетъ внести примиреніе и согласіе въ ту область хозяйства, гдѣ мы видимъ такъ часто борьбу своекорыстныхъ интересовъ и глубокую тайную ненависть — эту отраву общественной жизни. — Нѣчего и говорить о томъ какъ много выиграла бы политическая экономія отъ связи съ техническими науками: лучшимъ доказательствомъ могутъ служить отдѣлы ея о деньгахъ и о кредитѣ, наиболѣе разработанные потому именно, что знаніе нѣкоторыхъ частей торговой техники было первымъ приобрѣтеніемъ экономистовъ въ области опыта. — Здѣсь наука наша сбросила впервые безжизненную отвлеченность общихъ положеній и начала освѣщать дѣйствительность разумнымъ пониманіемъ законовъ, хозяйственнаго порядка, и здѣсь, быть можетъ, въ ближайшемъ для насъ будущемъ, предстоитъ ей сдѣлать самые блистательные успѣхи.

Перейдемъ къ опредѣленію значенія политической экономіи въ составѣ юридическаго образованія. Мы сказали уже, что назначеніе закона — установленіе нормъ для общественныхъ отношеній какъ вообще, такъ и для экономическихъ въ частности, и охраненіе ихъ полицейскими и судебными мѣрами. Если бы законъ упрочивалъ только то, что выработано обычаемъ и внутренней жизнью общества,

то и тогда пониманіе его требовало бы политико-экономическихъ знаній; тѣмъ болѣе это необходимо, когда онъ становится орудіемъ преобразованій, когда уничтожая ограниченія, встрѣчаемая частною дѣятельностію, онъ ускоряетъ хозяйственное развитіе общества, когда отмѣняя обветшалыя формы, поддерживавшія съ трудомъ существованіе отжившаго, онъ вызываетъ самодѣятельность и народное творчество въ пересозданіи хозяйственнаго устройства. Въ подтвержденіе нашей мысли мы можемъ сослаться на уничтоженіе монопольныхъ цеховъ въ Европѣ, казенной торговли и имущественныхъ регалій въ Россіи. — Подобное непосредственное вліяніе закона можетъ быть успѣшнымъ только при основательномъ знакомствѣ съ политической экономіею: — надо знать не только общія начала науки, но и предѣлы, которые полагаетъ этому вліянію существующій хозяйственный порядокъ созданный вѣками; въ противномъ случаѣ преобразованія, совершенныя путемъ юридическимъ, могутъ состоять или въ безжизненныхъ формахъ, или въ разрушеніи, за которымъ не послѣдуетъ созданія.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, рассмотримъ въ какой степени политико-экономическій элементъ входитъ въ составъ права. Область хозяйственнаго законодательства гораздо обширнѣе чѣмъ обыкновенно полагаютъ: она обнимаетъ не только постановленія о государственномъ благоустройствѣ и о финансахъ, но также большую часть законовъ благочинія (въ составъ которыхъ вошли у насъ уставы нѣкоторыхъ кредитныхъ установленій, народного продовольствія, и пр.), законовъ гражданскихъ, постановленій о государственныхъ учрежденіяхъ и о состояніяхъ.

Едва ли кто либо рѣшится въ настоящее время оспа-

ривать необходимость политико экономических свѣдѣній, при изученіи законовъ благоустройства и казеннаго управленія. Юристъ обязанъ знать не одни только предписанія закона, но также и цѣль, которую имѣлъ въ виду законодатель, свойство избранныхъ имъ средствъ, для достиженія цѣли и вліяніе послѣднихъ на экономической бытъ страны. Юридическія науки приготавливаютъ людей не къ начертанію проэктвовъ для облагодѣтельствованія рода человѣческаго; но къ разумному пониманію и исполненію законовъ; людей, которые, давая частныя предписанія въ своей административной дѣятельности, умѣли бы поддержать все доброе и благое и могли бы отвѣчать съ толкомъ и знаніемъ дѣла на запросы со стороны высшаго управленія. Въ какой степени юристъ будетъ соотвѣтствовать этому назначенію, если онъ смотритъ на постановленія о земледѣліи, ремеслахъ, мануфактурахъ и о торговлѣ только какъ на нормы права, когда онъ не понимаетъ вполнѣ вліянія промышленныхъ поощреній, раздачи земель, колонизаціи, когда онъ не знаетъ какую роль играли эти мѣры въ исторіи, почему онѣ приводили къ тому или другому результату? Что сказать о банковомъ чиновникѣ, который знаетъ только ходъ вексельныхъ оборотовъ, а не знаетъ вліянія учетнаго процента на состояніе денежнаго и капитальнаго рынка, вліянія ручательства по вексямъ на движеніе векселей, который въ отвѣтъ на запросъ: полезно ли возвысить учетный $\frac{0}{0}$? — будетъ руководствоваться мыслию о сокращеніи текущихъ дѣлъ, и о мнимомъ возвышеніи банковской прибыли; — о чиновникѣ, который прійдетъ въ изумленіе, когда услышитъ, что есть банки, не платящіе процентовъ вкладчикамъ, или же пускающіе свои билеты въ обращеніе. — Какой толкъ можетъ быть въ его мно-

голубтней практической опытности, если она состояла въ одномъ только знакомствѣ съ механизмомъ работъ, если она не пробудила дѣятельности мысли, и не помогла правильному пониманію дѣйствительности.

Также трудно обойтись безъ политической экономіи, при изученіи законовъ о финансахъ. Законы о государственныхъ доходахъ поставляютъ предѣлы для частной предпріимчивости и дѣлаютъ для нее обязательными извѣстныя правила. Устанавливая послѣднія для огражденія казны, законы всѣхъ образованныхъ государствъ стремятся къ тому, чтобы сдѣлать ограниченія возможно менѣе чувствительными въ народномъ хозяйствѣ и согласить, по мѣрѣ возможности, приращеніе доходовъ правительства съ возрастаніемъ общественнаго благосостоянія, такъ какъ первое безъ втораго невозможно. Этотъ характеръ финансоваго законодательства требуетъ пониманія и оцѣнки вліянія его постановленій на производительность, на установленіе цѣнъ для произведеній, на величину частныхъ доходовъ, на заработки и средства существованія бѣднѣйшихъ сословій. Поэтому нѣтъ ли необходимости въ администраторахъ, которые, зная политическую экономію, дѣйствовали бы сообразно съ намѣреніями правительства, могли бы отвѣчать на его вопросы: какіе источники могутъ давать доходъ, въ какой формѣ и т. п. Понятно, что для такихъ отвѣтовъ необходимо основательное знакомство не только съ началами народнаго хозяйства и финансовъ, но съ экономической, и въ особенности съ финансовою исторіею.

Мы не остановимся на уясненіи связи между нашею наукою и мѣрами полицейскими, которыя касаются благо-

состоянія общественнаго, и обратимся къ законамъ о состояніяхъ и къ законамъ гражданскимъ.

Здѣсь трудно рѣшить: слѣдуетъ ли болѣе удивляться попыткамъ нѣкоторыхъ писателей выводить общія начала права изъ умозрительныхъ построений или же изъ одной послѣдовательности юридическихъ формъ.

Говоря о сословіяхъ многіе ограничивались указаніемъ на ихъ историческое происхожденіе, преобладаніе, упадокъ, приводили факты, но не объясняли ихъ. — Внутренняя экономическая жизнь общества, приготовившая тѣ или другія явленія, оставалась нераскрытою; — дѣло шло объ однихъ внѣшнихъ совершавшихся событіяхъ, о формальныхъ измѣненіяхъ права. Феодальный порядокъ среднихъ вѣковъ, городскія общины и среднее сословіе представлялись читателю безъ другаго права на существованіе кромѣ собственной силы и воли судьбы. Тѣ, которые пытались объяснить происхожденіе сословій изъ соображеній ума, еще менѣе сдѣлали для науки. Остановимся на послѣднихъ и укажемъ на Штала, который, будучи вѣренъ юридическимъ преданіямъ, по видимому внесъ хозяйственный элементъ въ свои объясненія. Что же такое сословія по Шталю, въ чемъ заключается причина ихъ появленія? »Сословіе, говоритъ онъ, есть призваніе (ein Lebensberuf) для человѣка въ обществѣ, оно возникаетъ изъ раздѣленія труда, и предназначаетъ человѣка для дѣятельности, въ которой онъ можетъ найти для себя удовлетвореніе и достоинство; состояніе сословій опредѣляется не только дѣленіемъ занятій, но проклятіемъ, заключающимся въ трудѣ — (Fluch der Arbeit).« Мы останавливаемся на выпискѣ этихъ немногихъ положеній; мы не рѣшаемся коснуться дальнѣйшихъ фантазій автора —

національної економіи, производствѣ, земледѣліи, ремеслахъ, торговлѣ, — это удалило бы насъ отъ предмета, о которомъ мы говоримъ. — Приведенныя нами слова достаточны, для того чтобы вызвать множество вопросовъ, на которые Шта-лева философія права не можетъ дать отвѣта, — именно: какая связь находится между Fluch der Arbeit и дѣленіемъ сословій? Какое отношеніе между раздѣленіемъ занятій и правами сословій, касающимися промышленности, при-обрѣтенія собственности, платежа податей, суда и нака-занія? Почти непостижимо какимъ образомъ могло ускольз-нуть отъ наблюдательности автора то, что лица одного и того же сословія занимаютъ различными родами дѣятель-ности, сохраняя при томъ свои права.

Намъ кажется, что при изученіи законовъ о состоя-ніяхъ давно уже настала пора подумать о сущности хо-зяйственныхъ сословныхъ правъ и о причинахъ, которыя видоизмѣняли ихъ въ исторіи. Мы знаемъ, что трудъ этотъ огроменъ, что все сдѣланное доселѣ незначительно въ сравненіи съ предстоящею задачею; но мы можемъ по-ложительно сказать, что безъ экономическихъ изслѣдованій нельзя объяснить себѣ: какимъ образомъ съ распаденіемъ Западной Римской Имперіи исчезло городское сословіе, по-чему уничтоженіе рабства повело къ колонату и *adscriptio glebae*, почему феодализмъ уступалъ шагъ за шагомъ свои права городскимъ общинамъ и верховной власти? Мы убѣ-ждены въ томъ, что происхожденіе и упадокъ сословій на-ходились въ зависимости: отъ законовъ естественныхъ, ко-торымъ подчиненъ хозяйственный порядокъ; отъ вліянія на-копленнаго капитала; отъ завоеваній, сдѣланныхъ свободою промышленности и частною собственностію. Въ жизни хо-

зайственной есть вѣчныя живыя начала, которыя дѣйствуютъ иногда незамѣтно въ теченіи цѣлыхъ столѣтій и производятъ великіе результаты, приписываемые близорукостію чело-вѣка вліянію геніальной личности, которой досталась на долю одно исполненіе.

Что сказать объ изученіи законовъ гражданскихъ, не-связанномъ съ политической экономіею? — Признавая не-обходимымъ подвести подъ общія начала законоположенія объ имуществахъ и договорахъ и желая связать это содер-жаніе извѣстною мыслію, цивилисты тщетно искали теоріи для своего предмета или въ образцовыхъ, по ихъ мнѣнію, постановленіяхъ римскаго права, или въ системахъ филосо-фіи. Существо и происхожденіе собственности, соединен-ныя съ нею имущественныя права и обязанности, общій характеръ договоровъ, — ничто не могло найти полного разъясненія: ни въ намекахъ законодательства народа, ко-торый ознаменовалъ себя вопіющими нарушеніями права собственности, ни въ творчествѣ мыслителей, которые, за исключеніемъ весьма немногихъ, объясняли образованіе и природу собственности — или договоромъ общественнымъ, или давностію владѣнія, или наложеніемъ воли на вѣщныя вещи, и пр.

Намъ кажется, что разрѣшеніе этого вопроса принад-лежитъ политической экономіи; она по нашему мнѣнію за-ключаетъ въ себѣ ту теорію законовъ объ имуществахъ и о договорахъ, которую напрасно искали въ римскомъ правѣ, или въ началахъ умозрительныхъ. Объясняя существо соб-ственности — цѣнностію полезной работы, созданной тру-домъ, она дала собственности значеніе принадлежности ре-зультатовъ труда и рѣшила непостижимый споръ о томъ,

что такое собственность — установление ли произвольное или естественное? — Она объяснила общую природу договоров мѣною, возникающею изъ раздѣленія труда, она указала на ограниченія права собственности, какъ на историческія формы, выработанныя началами экономическими; такимъ образомъ она дала возможность понять внутреннюю необходимость отношеній, которыя могутъ казаться опирающимися на одинъ законъ, или на поддерживающую его власть.

Краткое обозрѣніе связи между правомъ и политической экономіею позволяетъ намъ сказать, что наша наука вноситъ нерѣдко содержаніе, мысль и нравственныя начала въ юридическія изслѣдованія. — Мы говоримъ — содержаніе, потому что безъ нея юристъ имѣлъ бы нерѣдко дѣло съ одними формальными предписаніями права; мы говоримъ — мысль, потому что она разъясняетъ природу отношеній, упроченныхъ и установленныхъ закономъ; мы говоримъ наконецъ — нравственныя начала, потому что взглядъ на существо собственности, какъ на созданіе труда, пробуждаетъ то нравственное уваженіе къ правамъ владѣльца, котораго не могли дать понятія о завладѣніи, о договорѣ, о наложеніи воли, и т. п.

Мы сказали, что политическая экономія занимаетъ мѣсто въ системѣ наукъ историческихъ. — Полвѣка тому назадъ историки едва ли подозрѣвали ту глубокую связь, которая существуетъ между развитіемъ хозяйственнаго быта народовъ, и общимъ ходомъ историческихъ событій. Но съ тѣхъ поръ какъ исторія не поставляетъ своею единственною задачею повѣствованіе объ однѣхъ придворныхъ и дипломатическихъ интригахъ, да о военныхъ событіяхъ; съ

тѣхъ поръ какъ главнымъ предметомъ ея изслѣдованій сдѣлались не однѣ рѣзко выдающіяся личности, но также общество, весь составъ народонаселенія, — экономическій элементъ значительно выдвинулся впередъ. — Историкъ нашель, что не смотря на кажущуюся недѣятельность народа, на мнимый застой и на отсутствіе внѣшняго драматическаго движенія, нерѣдко совершается перерожденіе цѣлаго общества, готовящее для него великую будущность. Въ этомъ перерожденіи кромѣ силъ духовныхъ, религіозныхъ, нравственныхъ, участвуютъ также и хозяйственныя, содѣйствующія образованію частной собственности или упадку ея, поглощенію малой собственности большею, или дробленію большихъ поземельныхъ владѣній, развитію духа монополій и образованію привилегированныхъ корпорацій, или же успѣхамъ свободы промышленности. Всѣ эти перемѣны дѣлаютъ духовную дѣятельность въ извѣстной степени доступною для большинства населенія — правительству, обладающимъ внутреннею силою, внѣшнимъ вліяніемъ, и политическимъ вѣсомъ. — Мы думаемъ, что безъ распространенія частной собственности — не можетъ развиваться духъ семейный, составляющій залогъ народной нравственности, не можетъ сдѣлаться общедоступнымъ свѣтъ науки, не можетъ быть твердаго государственнаго порядка — залога величія и силы.

Не считая экономическаго элемента главною невидимою пружиною въ исторіи человѣчества, мы полагаемъ однакоже, что онъ игралъ большую роль во всѣхъ великихъ переворотахъ. Не говоря о древности, въ которой напоминаютъ о его значеніи имена Солона и Гракховъ, не говоря объ исторіи среднихъ вѣковъ, сосредоточивающейся около фео-

дализма и жизни общинъ, достаточно указать на событія, которыя еще не изгладились изъ памяти народной и совершаются передъ нашими глазами. — Кто станетъ оспаривать значеніе причинъ экономическихъ въ переворотахъ Франціи конца XVIII вѣка и совершившихся въ глазахъ нашихъ? Кто сомнѣвается въ настоящее время въ томъ, что при облегченіи условій для пріобрѣтенія частной собственности, при уничтоженіи устарѣвшихъ монополій и ограниченій, перевороты эти были бы едва замѣтны? — Гдѣ находили пищу и орудіе волненія новаго времени — какъ не въ пролетаріатѣ большихъ городовъ, въ упадкѣ хозяйственной самостоятельности общества, въ искусственной организаціи промышленности и въ разстроенныхъ финансахъ государства?

Вмѣсто того, чтобы продолжать изложеніе связи между политической экономіею и исторіею, мы укажемъ на блистательные успѣхи, которыми увѣнчались попытки новѣйшихъ историковъ внести хозяйственный элементъ въ свои труды. Экономическія изслѣдованія Маколея о внутреннемъ бытѣ Англіи въ концѣ XVII вѣка оживили для насъ не одни только портреты дѣйствующихъ лицъ, но и самый бытъ народонаселенія. Подобно Тьерри онъ возвратилъ исторіи ея эпоху, — но не съ одной ея живописной стороны, не со стороны легенды и драматизма, представляемыхъ общественною жизнію частныхъ лицъ, а преимущественно со стороны повседневнаго частнаго быта. Еще замѣчательнѣе въ этомъ отношеніи Гроте, по глубокому экономическому анализу явленій. Его изслѣдованія о законодательствахъ Спарты и Аѳинъ, его объясненіе вліянія способовъ обезпеченія займовъ на положеніе народа — составляютъ одно изъ лучшихъ украшеній его труда.

Если политическая экономія содѣйствуетъ разъясненію вообще историческаго хода событій, то тѣмъ болѣе мы имѣемъ права утверждать, что знаніе ея необходимо, при изученіи явленій общественныхъ, въ томъ объемѣ, въ какомъ они входятъ въ настоящее время въ область статистики. — Не признавая рѣзкаго разграниченія наукъ и ихъ мнимой самостоятельности, мы можемъ сказать, что нѣкоторые отдѣлы статистики мало чѣмъ разнятся отъ трудовъ, политико-экономическихъ, и что большая часть хозяйственныхъ истинъ добывается нынѣ статистическимъ путемъ. — Даже изслѣдованія о бракахъ, о движеніи населенія, объ образованности и о преступленіяхъ, заставляютъ насъ непрерывно обращаться, при отысканіи причинъ, объясняющихъ то или другое явленіе, къ условіямъ хозяйственной жизни.

Оканчивая этимъ разсмотрѣніе связи между нашею наукою и другими отраслями человѣческихъ знаній, поспѣшимъ замѣтить, что мы вовсе не имѣли въ виду превозносить политическую экономію, ставить ее во главѣ всего образованія; мы хотѣли указать только на мѣсто, принадлежащее ей въ совокупности университетскихъ курсовъ. — Оторванная отъ наукъ техническихъ, отъ исторіи и права, она перерождается въ безплодные схоластическіе споры о словахъ, и въ отвлеченныя умозрительныя построенія; поставленная въ ближайшее соприкосновеніе съ сродными ей по содержанію предметами, она сама получаетъ твердую и положительную основу.

Настоящіе университетскіе курсы соотвѣтствуютъ по возможности указанному нами сродству наукъ: политическая экономія почти вездѣ вошла въ составъ факультетовъ камеральнаго, юридическаго и историко-филологическаго.

Мы думаемъ однакоже, что планъ ея преподаванія, и что кругъ предметовъ, съ которыми она связана, должны измениться, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ народное образованіе будетъ стремиться къ большей спеціальности и къ ближайшему соприкосновенію съ интересами практическими.— Мы думаемъ, что со временемъ настанетъ необходимость читать многіе предметы и въ общихъ очеркахъ и въ обширномъ объемѣ, какъ это сдѣлано въ нашемъ университетѣ по химіи, минералогіи, ботаникѣ и зоологіи, для того чтобы облегчить задачу основательнаго изученія извѣстной области нашего вѣдѣнія. Если эта мысль не лишена основанія, то политическая экономія войдетъ въ составъ слѣдующихъ спеціальныхъ курсовъ: экономическаго законовѣдѣнія, агрономіи, различныхъ отдѣловъ технологіи и наукъ историческихъ.— Въ каждомъ изъ нихъ, сообразно съ его особымъ назначеніемъ, политическая экономія можетъ быть читана по особому плану; общія положенія науки останутся одни и тѣже; но въ связи съ науками юридическими необходимо будетъ изложить исторію хозяйственнаго законодательства, въ связи съ науками техническими— исторію промышленности, въ связи съ исторіею — очеркъ экономическаго развитія народовъ.— Основа преподаванія останется одна и та же — изученіе переменъ, совершившихся въ хозяйственныхъ отношеніяхъ, подъ вліяніемъ естественныхъ законовъ; все различіе будетъ состоять въ томъ, что въ фактическомъ изложеніи, при объясненіи смысла хозяйственныхъ явленій, будетъ обращено особое вниманіе или на элементъ юридическій, или на техническій, или же на общеисторическій ходъ событій.

При такомъ взглядѣ на мѣсто, занимаемое политическою экономіею въ системѣ преподаванія, легко рѣшить въ какомъ

разрядъ наукъ приличнѣе всего читать ее въ общемъ очеркѣ, или въ размѣрахъ возможно обширныхъ. Какъ теорія экономическаго законовѣдѣнія, она безъ сомнѣнія, должна быть пройдена въ полномъ ея составѣ; какъ наука, облегчающая для техника — пониманіе общественныхъ условій промышленнаго развитія, а для историка разумѣніе успѣховъ чело- вѣчества — она можетъ имѣть характеръ главнаго или вспомо- гательнаго знанія, смотря по цѣли образованія.

Нашимъ изслѣдованіямъ о преподаваніи политической экономіи не доставало бы убѣдительности, если бы мы не могли указать на примѣненіе ея началъ. Съ тѣхъ поръ какъ на знаніе перестали смотрѣть какъ на источникъ наслажденія для ученыхъ, общество стало требовать, чтобы наука, разсѣивая предразсудки невѣжества, приняла на себя роль руководителя чело- вѣка. Мы не хотимъ сказать, что современная задача ограничивается единственно тѣмъ, чтобы придумывать одно практически полезное: ученый трудится иногда очень долго, не видя прямой пользы, которую могутъ доставить его труды; но онъ трудится, съ глубокимъ убѣжденіемъ, что всякая истина рано или поздно послужитъ общему благу.

Политическая экономія, по самому существу своему, никогда не могла оставаться чуждою практическимъ стремленіямъ, скорѣе ее можно упрекнуть въ противномъ — въ томъ, что она часто не могла отрѣшиться отъ впечатлѣній минуты и подъ вліяніемъ ихъ принимала на себя роль совѣтника, не имѣя еще твердой опоры для выводовъ, въ своихъ общихъ основныхъ положеніяхъ.

Отношеніе ея къ дѣйствительности, и въ особенности свойство ея вліянія зависятъ отъ преобладанія въ ней из-

вѣстнаго взгляда на порядокъ экономическій — или какъ на установленіе искусственное, или какъ на установленіе естественное. Обѣ эти точки зрѣнія еще существуютъ совместно, но послѣдняя въ современной литературѣ беретъ рѣшительный перевѣсъ. — Послѣдователи перваго направленія смотрятъ на общественныя хозяйственныя отношенія, какъ на порядокъ созданный человѣкомъ, т. е. законами и учрежденіями, составляющими произведеніе его воли. Экономическое устройство представляется какъ механизмъ, который сложился по усмотрѣнію общественной власти и совершенствуется по ея произволу, или точнѣе — по указаніямъ экономистовъ и доставляетъ благосостояніе милліонамъ, подчиняющимся новымъ условіямъ общественной жизни. Это направленіе видитъ въ политической экономіи одно только собраніе рецептовъ для распространенія общественнаго довольства — оно высказываетъ требованія относительно того что должно быть и указываетъ прямо на безусловно-непогрѣшительныя средства, рекомендуя ихъ власти. Не приписывая хозяйственнымъ явленіямъ характера необходимости, оно не подозреваетъ существованія законовъ естественныхъ и хочетъ только указать недостатки въ существующемъ, да приискать матеріалы для своихъ построеній.

Другое направленіе — естественнаго порядка — признаетъ, что устройство хозяйственное есть живой организмъ, что политическая экономія занимается изученіемъ совершающихся въ немъ явленій, и законовъ, которымъ подчиняются послѣднія. Какъ живой организмъ, порядокъ этотъ созданъ не произволомъ, но естественною необходимостію, и корень его заключается въ природѣ общественнаго человѣка. При такомъ взглядѣ на науку, знаніе становится только сред-

ствомъ для того чтобы пользоваться истинами экономическими; оно возстаетъ противъ предѣлокъ общества, по новымъ планамъ, противъ универсальныхъ средствъ для водворенія благоденствія на землѣ, и утверждаетъ, что всякій успѣхъ можетъ быть только плодомъ распространенія здоровыхъ понятій.

Признавая истиннымъ первое направленіе, мы должны допустить огромное вліяніе политической экономіи. — Всякое мечтательное усовершенствованіе хозяйственнаго механизма представится намъ идеаломъ, образцомъ, цѣлю къ которой мы обязаны стремиться, во имя интересовъ человечества, до тѣхъ поръ пока не будетъ намъ указана цѣль высшая, средство болѣе надежное. Придерживаясь втораго направленія, мы должны значительно ограничить притязанія наши на распространеніе общественнаго благосостоянія, мы должны принять за точку отправленія общество — какъ оно есть, съ его устройствомъ и его понятіями и видѣть возможность улучшеній въ успѣхахъ народнаго образованія; мы должны отказаться отъ исключительнаго содѣйствія законодателя и обратиться къ убѣжденіямъ общественнымъ. И здѣсь опять вліяніе науки будетъ зависѣть отъ степени развитія и положительнаго характера ея истинъ, отъ доступности формъ, въ которыя онѣ облечены.

Мы становимся на сторонѣ приверженцевъ естественнаго порядка. — Какъ изложеніе хозяйственныхъ законовъ (не юридическихъ, а естественныхъ), наука наша съ каждымъ годомъ получаетъ большій вѣсъ — и въ глазахъ правительствъ, которыя ранѣе всего ощутили потребность дѣйствовать по указаніямъ опыта и знанія, и въ глазахъ не большаго числа просвѣщенныхъ людей, которые поняли, что

нельзя всего ожидать отъ государства и его учреждений; но что благо общества заключается отчасти въ его собственныхъ рукахъ, завися отъ дѣятельности, образованности и нравственности частныхъ лицъ.

Съ каждымъ годомъ становится болѣе и болѣе очевиднымъ, что безъ помощи науки нельзя принимать ни успѣшныхъ мѣръ финансовыхъ, ни дѣйствовать на развитіе промышленности и на возрастаніе довольства частныхъ лицъ. Болѣе чѣмъ когда либо убѣжденіе становится всеобщимъ, что всѣ учрежденія, служащія для обезпеченія народнаго благоденствія могутъ имѣть успѣхъ только въ томъ случаѣ, когда само общество видитъ ихъ необходимость; когда частныя лица, принимая на себя въ извѣстной мѣрѣ начинаніе и выполненіе труда, приступаютъ къ дѣлу съ основательными теоретическими понятіями и съ тѣмъ запасомъ положительныхъ свѣдѣній, которыя даются не однимъ собственнымъ опытомъ и личною наблюдательностію, но совѣстливымъ изученіемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, обращая вниманіе на успѣхи, сдѣланные Европою въ теченіи послѣдняго столѣтія, мы можемъ съ полнымъ правомъ сказать, что политическая экономія имѣла на нихъ огромное вліяніе: она разсѣяла заблужденія относительно значенія благородныхъ металловъ и зависимости цѣнности монеты отъ чеканнаго штемпеля; она содѣйствовала уничтоженію внутреннихъ таможенъ, монополій государственныхъ и частныхъ; она распространила свѣдѣнія о кредитѣ; ей обязаны своимъ устройствомъ многочисленные банки, коммерческія предпріятія, общества застрахованія, товарищества ремесленные и промышленныя; наконецъ она была главною виною тѣхъ мирныхъ завоеваній

въ области частной собственности, которыя возвратили труду его достояніе и обезпечили благоденствіе цѣлыхъ милліоновъ людей.

Въ числѣ этихъ практическихъ результатовъ науки многіе принадлежатъ не одной Западной Европѣ, но и нашему отечеству въ частности; въ цѣломъ же они составляютъ приобрѣтеніе всего человѣчества; потому что, какъ самая истина, такъ и то, что призвано ею къ жизни не составляетъ исключительнаго достоянія отдѣльныхъ племенъ и поколѣній.

Поспѣшимъ подтвердить сказанное нами примѣромъ. Пусть засвидѣтельствуетъ онъ о долѣ добра, которую успѣла сдѣлать политическая экономія и пусть будетъ онъ залогомъ и ручательствомъ того, что предстоитъ ей совершить въ будущемъ.

Разсмотримъ мѣры, къ которымъ обращались какъ грубыя практики, такъ и просвѣщенные дѣятели во время дороговизны хлѣба.— Неурожай, который имѣетъ ощутительное вліяніе на возвышеніе цѣнъ, оставляетъ по себѣ глубокой слѣдъ, уменьшая число браковъ и число рожденій, увеличивая смертность и преступленія. При такомъ положеніи вещей, естественно надо что нибудь предпринять, но что именно?

Практики, незнакомые съ азбукою политической экономіи и съ опытомъ прошедшаго, думали, что непосредственное вліяніе государства на торговлю скорѣе всего ведетъ къ цѣли; имъ казалось, что можно обезпечить продовольствіе народа и увеличить внутренніе запасы хлѣба, запрещая отпускъ и винокуреніе, поощряя привозъ преміями, и закупаая средства продовольствія на счетъ казны;

имъ казалось, что можно сдѣлать хлѣбъ дешевымъ, устранивъ посредниковъ — купцовъ, поставивъ въ непосредственныя сношенія покупателей съ производителями, и установивъ низкую таксу на хлѣбъ. — Имъ не приходило на мысль, что эти мѣры оставятъ по себѣ воспоминаніе, какъ о безумной финансовой расточительности, какъ о насиліи, ослаблявшемъ чувство справедливости и уваженіе къ праву собственности.

Запрещеніе вывоза хлѣба, необходимое для государства, не имѣющаго большихъ, свободныхъ капиталовъ, хорошихъ путей сообщенія (какъ мѣра временная, обусловливаемая исключительнымъ положеніемъ страны) въ большей части случаевъ, вело къ уменьшенію внутренняго производства и внѣшняго подвоза, къ упадку торговли и къ установленію постоянно высокихъ цѣнъ. Земледѣлецъ, не увѣренный въ возможности сбывать хлѣбъ по высокой цѣнѣ въ годы менѣе урожайные, имѣя въ виду неизбѣжныя потери въ случаѣ запрещенія, ограничивалъ хлѣбопашество и занимался скотоводствомъ, воздѣлываніемъ волокнистыхъ растений, табаку, и пр. на счетъ хлѣба, и слѣдовательно заранѣе уменьшалъ производство, на которое можно было бы рассчитывать во время дороговизны.

Равнымъ образомъ купцы, опасаясь, что обратный вывозъ хлѣба за границу можетъ быть запрещенъ, останавливали подвозъ извнѣ. Съ уменьшеніемъ же производства и съ упадкомъ торговли, устанавливались болѣе постоянныя высокія цѣны. Всѣ эти невыгоды испытывала на себѣ Франція въ теченіи XVII и XVIII вѣковъ.

Къ такимъ же послѣдствіямъ приводили ограниченія винокуренія и пивоваренія, появляющіяся во Франціи съ 13-го

столѣтія, и столь частыя въ Англіи между 1795—1811 годами. Основанныя на предположеніи, что большинство населенія неспособно сдѣлать выборъ между необходимою пищею и бесполезнымъ мимолетнымъ опьяненіемъ (хотя во время неурожая цѣна на хлѣбъ возвышается въ несравненно большей степени, чѣмъ на напитки) (*) они уменьшали производство хлѣба, останавливали успѣхи скотоводства, иногда нарушали права собственника — заводчика, иногда же увеличивали тягости народныя, если выдавалось вознагражденіе на счетъ казны.

По видимому преміи, выдаваемые купцамъ за хлѣбъ, привозимый изъ за границы, да закупки, сдѣланныя на счетъ казны, скорѣе всего могутъ содѣйствовать снабженію страны и понизить рыночныя цѣны; но на дѣлѣ этотъ дешевый хлѣбъ стоитъ очень дорого, а мнимое изобиліе ведетъ къ дѣйствительной нищетѣ. Англійское правительство, выдавая преміи купцамъ, (напр. въ 1795, 96 и 1800 годахъ) брало ихъ какъ подать съ народа, и забывало что онѣ, безъ того уже уплачиваются потребителями, при покупкѣ продовольствія, и составляютъ, по большей части, подарокъ для торговаго сословія.

Во всякомъ случаѣ, правительство усложняло только механизмъ хозяйственныхъ отношеній и недоставляло населенію никакихъ существенныхъ выгодъ. — Еще хуже когда государство, вмѣсто того чтобы сдѣлать только внѣшнюю закупку хлѣба для казенныхъ надобностей, само принима-

(*) Въ Германіи въ 1816—17 году цѣны на хлѣбъ возвысились на 400—500 ‰, на водку на 150 ‰, на пиво на 200 ‰.

лось за вышнюю хлебную торговлю. О гибельных слѣдствіяхъ этой мѣры свидѣтельствуесть примѣръ Франціи. Неквали изучавшій основательно науку, послалъ въ 1789 году за границу комиссаровъ, предоставивъ имъ дѣлать закупку хлеба по неопредѣленной цѣнѣ. Комиссары не жалѣли денегъ; хлебъ въ Бордо и Гаврѣ сдѣлался дешевле, чѣмъ въ Гамбургѣ, а закупки продолжались. Подобная расточительность ничего не стоила агентамъ, но она была вдвойнѣ пагубна для народа. Она раззоряла податныя сословія, потому что покупка производилась чиновниками, которые ничего не могли потерять отъ недостатка предусмотрительности и разсчетливости. Она уничтожала внутреннюю торговлю, потому что кто могъ осмѣлиться войти въ состязаніе съ соперникомъ, готовымъ продавать въ убытокъ себѣ, съ соперникомъ, не обращающимъ вниманія на цѣны, по которымъ онъ покупалъ и продавалъ? Такимъ образомъ увеличивались тягости народныя, останавливались обороты и подвозъ внутреннего хлеба на рынки.

Но зло, которымъ сопровождалась мѣры грубой практики, относительно снабженія государства хлебомъ, было не велико, въ сравненіи съ бѣдствіями, которыми были ознаменованы постановленія, имѣвшія въ виду удешевленіе хлеба — устраненіемъ скупщиковъ, побужденіемъ къ подвозу и назначеніемъ максимумъ для продажной цѣны.

Незнакомымъ съ началами политической экономіи кажется, что появленіе каждаго новаго посредника служитъ только къ возвышенію цѣнъ: такъ еще въ недавнее время утописты возставали противъ мелочной торговли разнощиковъ и перекупщиковъ; они не понимали, что посредничество мелкихъ

купцовъ берегаетъ время — и для потребителя, приближая къ нему товаръ, и для производителя, освобождая его отъ обязанности ѣхать вдаль и искать закупщика.

Старинное законодательство старалось всячески воспрепятствовать этимъ успѣхамъ въ раздѣленіи труда. — Оно хотѣло, чтобы сами производители возили свой хлѣбъ на рынокъ, такъ напр. въ Испаніи законъ дозволялъ хлѣбную торговлю однимъ извозчикамъ, во Франціи только лицамъ, получившимъ особыя дозволительныя свидѣтельства, а во время революціи, вмѣстѣ съ запрещеніемъ торговой закупки, земледѣльцамъ вмѣнено было въ обязанность доставлять извѣстное количество хлѣба на рынокъ. Такъ, въ видахъ удешевленія, устанавливаемы были монополіи патентованныхъ купцовъ, а производитель превращался въ жертву, принесенную обществу, потому что обязанный поставкою хлѣба для частнаго потребленія, онъ долженъ былъ самъ продавать по назначенной цѣнѣ, нерѣдко въ убытокъ себѣ.

Но вмѣсто того, чтобы разбирать отвлеченно мѣры грубой практики, касавшіяся внутренней торговли хлѣбомъ, возьмемъ примѣръ изъ жизни дѣйствительной.

Самое полное собраніе ограничительныхъ постановленій по этому предмету представляетъ намъ французское законодательство конца XVIII вѣка. Искусственная организація доведена была до крайнихъ послѣдствій и составляетъ самое краснорѣчивое обличеніе, грознаго, неумолимаго деспотизма, который прикрывалъ себя обманчивымъ именемъ народнаго блага и свободы во время революціи.

Въ 1792 году, послѣ возмущенія 10 Августа, сообщенія были прерваны и тотчасъ же обнаружился голодъ. — Едва

собравшійся конвентъ приказалъ привести въ извѣстность хлѣбные запасы.

Напрасно Роланъ (Roland), бывшій тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ, доказывалъ, что предписанное исчисленіе увеличитъ только тревогу, а слѣдовательно и дороговизну — конвентъ настоялъ на своемъ.

Подстрекаемый коварными, дышавшими ненавистію рѣчами Робеспьера, который говорилъ, что теорія свободы торговли ставитъ высоко прибыль купца да поземельнаго владѣльца, а жизнь человека считаетъ ни за что, конвентъ закономъ 4 мая постановилъ, чтобы всѣ купцы, собственники и земледѣльцы подъ опасеніемъ значительныхъ пеней объявили муниципалитетамъ о количествѣ принадлежащаго имъ хлѣба. — Правительственныя и муниципальныя учрежденія получили право требовать отъ купцовъ, земледѣльцевъ и собственниковъ доставки хлѣба на рынокъ; ослушники, если имѣли достаточное количество для своего продовольствія, подвергались конфискаціи своихъ запасовъ; чиновники, въ случаѣ отказа поземельнаго владѣльца, могли брать хлѣбъ и заставлятъ работниковъ молотить его; купцы, торгуя по особымъ свидѣтельствамъ, подъ опасеніемъ пеней и конфискаціи, обязаны были отмѣчать у кого они покупали и кому продавали.

Такимъ образомъ постановленія закона 4 мая были воспроизведеніемъ всего того, что только могъ изобресть регламентарный духъ среднихъ вѣковъ: они отнимали у частнаго лица право располагать своею собственностію т. е. продавать хлѣбъ, и предоставляли это право провинціальнымъ и общиннымъ чиновникамъ; они подчиняли купца и производителя, начиная отъ богатаго землевладѣльца до послѣдняго

крестьянина, тягостному надзору со стороны управления, осмотрамъ и повѣркамъ имущества, безъ всякаго финансоваго повода; наконецъ, въ довершеніе всего, они обращали народъ во имя свободы—въ рабовъ, обязанныхъ молотить хлѣбъ по назначенію администраціи для продовольствія частныхъ лицъ.

Къ этимъ уродливымъ явленіямъ въ экономической организаціи привело незнаніе простаго экономического закона: при отсутствіи промышленныхъ стѣсненій каждый человекъ, трудясь для себя, трудится въ тоже время для всѣхъ другихъ; дѣятельность его, тогда только получаетъ наибольшее вознагражденіе, когда въ ней наиболѣе нуждается общество, когда она доставляетъ высшую пользу для послѣдняго:—поэтому нѣтъ надобности прибѣгать къ искусственнымъ средствамъ для удовлетворенія потребностямъ, нѣчего принуждать продавать, принуждать работать; но надо бодрствовать чтобы частная дѣятельность не встрѣчала преградъ, чтобы не было нарушенія права частнаго, права употреблять свои силы и пользоваться ихъ результатами.

Законъ 4 мая не ограничился административнымъ устройствомъ хлѣбной торговли, онъ установилъ еще maximum—высшую крайнюю цѣну для продаваемого хлѣба. Обвиненные въ покупкѣ, или продажѣ выше maximum, платили пеню отъ 300 до 10,000 ливровъ.—Уличенные въ произвольной (!) порчѣ, или въ уничтоженіи хлѣба, подвергались смертной казни; 1,000 франковъ назначено было доносителямъ.

Законъ этотъ совершенно приостановилъ торговлю, и безъ того страдавшую отъ упадка ассигнать.—Въ самомъ дѣлѣ, кто осмѣлился бы презирать грозныя наказанія, которыми караля администрація самая легкія нарушенія ея предпри-

саній?— Однако-же не смотря на то, что въ теченіи всей революціи нельзя было указать ни на одинъ случай скупа, Колло д'Ербуа гремѣлъ противъ мнимыхъ піявиць, высасывающихъ кровь населенія: „что можетъ быть гибельнѣе, говорилъ онъ, какъ эта варварская лига, которая замышляетъ днемъ и ночью всѣ роды убійствъ и въ особенности убійство бѣдныхъ. Отнимать у бѣднаго ужасными спекуляціями возможность удовлетворять самымъ настоятельнымъ потребностямъ не значитъ ли убивать его?“— Въ слѣдствіе этого доклада изданъ былъ декретъ 27 Іюля 1793 года, который грозилъ скупщикамъ смертною казнію и конфискаціею всего имущества, и усиливалъ мѣры противъ лицъ, обладающихъ запасами хлѣба.— Декретъ оказался недостаточнымъ: насильственный курсъ ассигнатовъ не могъ поднять ихъ цѣнности до уровня цѣнъ товарныхъ. Революціонное правительство не усомнилось 19 августа понизить цѣны товаровъ. Предметы первой необходимости: хлѣбъ, мясо, крупа, мука, овощи, плоды, уголь, дерево, масло, сало и пр., даже матеріи для платья, за исключеніемъ шелковыхъ, подверглись закону о тахітисіи и запрещенію скупа подъ страхомъ смертной казни. Наконецъ въ ноябрѣ тогоже года, эта мѣра распространена была на сырые матеріалы для фабричныхъ издѣлій. Одинъ тахітисіи влекъ за собою другіе.

Постановленіе это, насколько оно относится къ продовольствію, было совершенно естественнымъ явленіемъ въ цѣльствованіи системъ принудительныхъ мѣръ: стѣсненія свободы торговли удаляли запасы съ рынковъ и вели къ доставкѣ хлѣба, обязательной для производителей; сопротивленіе послѣднихъ — къ назначенію законныхъ цѣнъ. Съ своей стороны тахітисіи дѣлалъ торговлю еще въ большей степени не-

возможною: производитель старался избѣгнуть убыточной для него продажи; но здѣсь его настигало опять повелѣніе поставить определенное количество хлѣба, подѣ опасеніемъ пеней, конфискацій и смертной казни.

Жалобы увеличивались. Тогда, обнаруживавъ снова жестокія наказанія противъ вывоза хлѣба, опредѣлили однообразную цѣну на хлѣбъ, по 14 ливр. за метрической центнеръ, назначивъ при томъ таксу за провозъ. Наконецъ учреждена была Коммисія средствъ продовольствія и снабженія, которая обязана была заботиться о прокормленіи государства частію покупками по добровольному условію, частію по принужденію. Торговлю, уничтоженную революціонными мѣрами, пришлось по неволѣ замѣнить Коммисіею, которая издерживала въ мѣсяць по 300 милліоновъ и содержала болѣе 10,000 чиновниковъ. Коммиссія одна имѣла право требовать хлѣбъ у частныхъ лицъ и перевозить его изъ одного департамента въ другой. Она закупала иностранный хлѣбъ по 21 фр. на монету и продавала по 17 фр. на ассигнаты. Наконецъ, къ счастью Франціи, она была закрыта 1 Января 1795 года, оставивъ дефицитъ въ 1400 милліоновъ франковъ, память о голодѣ, который хотѣли умѣрить гражданскимъ постомъ, и о несказанныхъ злоупотребленіяхъ своихъ членовъ.

Какъ ни безразсудны были распоряженія революціоннаго правленія, какъ ни явно нарушали они выгоды и права частныхъ лицъ, какъ ни раззорительны были они для финансовъ Франціи; однакоже они имѣли своихъ хвалителей, къ числу которыхъ относится знаменитый историкъ, составляющій политико-экономическій анахронизмъ въ лѣтописяхъ своего отечества. Тьеръ видѣлъ въ законахъ о хлѣбѣ и

объ ассигнатахъ выраженіе »воли энергической, чрезвычайной, заслуживающей признательность и удивленіе Франціи,« — удивленіе, можетъ быть, говоритъ Молинали, но только не признательность: потому что, еще доселѣ неизгладился предразсудокъ народный, полагающій, что правительство обязано замѣнить своею предусмотрительностію предусмотрительность частныхъ лицъ; еще доселѣ не укоренилось уваженіе къ праву собственности, столько разъ нарушенному вопіющимъ произволомъ.

Мы не думаемъ впрочемъ, чтобы предъидущее наше изложеніе давало право заключить, что мы принадлежимъ къ числу противниковъ подчиненія внутренней торговли какимъ бы то ни было правиламъ.— Рошеръ совершенно правъ, доказывая необходимость составленія запасовъ, при неразвитости внутренней торговли и установленія таксъ для печенаго хлѣба, при существованіи цеховыхъ привилегій; но намъ кажется, что подобныя мѣры должны быть разсматриваемы не какъ вѣнецъ политико-экономической мудрости, а какъ историческая необходимость. Главная задача законодательства состоитъ не въ томъ чтобы придумывать ограниченія, неизбѣжныя по ходу вещей, но въ томъ, чтобы сдѣлать ихъ не нужными, развивая соперничество и духъ частной предприимчивости. Эта задача далеко не такъ легка и проста какъ обыкновенно воображаютъ противники свободы промышленности, которымъ кажется, что формула фізіократовъ — *laissez faire* вмѣняетъ управленію въ обязанность оставаться праздными зрителями (*).

(*) Примѣчаніе. Мы не коснулись многихъ второстепенныхъ мѣръ и

Посмотримъ теперь къ какимъ выводамъ пришла наука. Первая истина, признанная ею состоитъ въ томъ, что искусство должно помогать природѣ, а не насиловать ее. Подобно медицинѣ, политическая экономія признаетъ, что въ политическомъ организмѣ есть цѣлебная сила природы, что прежде всего должно разсчитывать не на радикальныя лекарства, а на законы естественные, стремящіеся къ восстановленію нарушеннаго равновѣсія, и за тѣмъ уже употреблять средства, которыя вели бы къ послѣдней цѣли.

частностей, которыя могли бы завлечь насъ слишкомъ далеко. — Между этими второстепенными средствами можно упомянуть для полноты о слѣдующихъ:

1) О принужденіи продавцевъ имѣть запасы хлѣба. Въ Австріи, въ 1805 году, каждый булочникъ обязанъ былъ подъ опасеніемъ 25 палочныхъ ударовъ имѣть двухнедѣльный запасъ муки. Соблюденіе этой насильственной капитализаціи могло бы повести къ черезчуръ энергическимъ мѣрамъ; но къ счастью предписанія закона опирались преимущественно на добрую волю исполнителей и достигали одной цѣли — успокоенія тревоги, возбужденной опасеніями на счетъ недостаточности жатвы.

2) О приказаніи продавать печеный хлѣбъ, не ранѣе какъ 24 часа послѣ печенія (въ Англіи въ 1800 — 1801), и даже спустя 48 часовъ. — Средство это можетъ уменьшить потребленіе: черствый хлѣбъ не съѣдается въ такомъ количествѣ, какъ свѣжій; но возможно ли строгое выполненіе этой мѣры? Какъ предупредить неизбежную контрабанду? неужели создать новый родъ преступковъ и пеней ради свѣжаго хлѣба?

3) О поощреніи къ употребленію болѣе простаго хлѣба высшими сословіями. Къ этой мѣрѣ не разъ прибѣгали въ Англіи. Въ 1847 году было объявлено отъ двора, что королева будетъ кушать хлѣбъ печеный изъ муки 2-го сорта. Мы согласны съ тѣмъ, что подобнымъ объявленіемъ можно было подѣйствовать на симпатію англичанъ, но едва ли на улучшеніе продовольствія. Кромѣ того высшіе сорта муки существовали на рынкѣ по прежнему, и потребленіе низшихъ не могло удешевить послѣднихъ.

Я боюсь М.м. Г.г., что многие из Васъ сочтутъ за странный парадоксъ прекрасныя слова Дюпонъ-де Немура: »такъ называемая дороговизна есть единственное средство противъ дороговизны« — *ce qu'on appelle cherté est l'unique remède à la cherté.* — Однакоже это глубокая истина, которую прекрасно передалъ Рошеръ слѣдующимъ образомъ: высокая цѣна хлѣба есть только признакъ недостаточности жатвы, и притомъ признакъ благодѣтельный, — потому что онъ указываетъ на достаточность потребителей, на силу предъявленнаго ими запроса. Случается противное и тогда сравнительно низкія цѣны при неурожаѣ бываютъ слѣдствіемъ ужасающей нищеты. Такъ Галліани приводитъ замѣчательный случай низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ въ Неаполѣ, послѣ двойнаго неурожая хлѣба и масла, отнявшаго у населенія его заработки; такъ было въ Ирландіи, въ 1821 году, гдѣ повысилась цѣна на одинъ только картофель, а пшеница, по дешевизнѣ своей продолжала быть предметомъ отпускной торговли.

Высокая цѣна, составляющая, какъ я замѣтилъ выше, признакъ достаточности частныхъ лицъ — ведетъ къ двумъ благодѣтельнымъ послѣдствіямъ: къ большей бережливости, необходимой для того, чтобы уравновѣсить потребленіе съ бѣдностію жатвы, и къ усиленію привоза извнѣ, для пополненія скудныхъ запасовъ. — Напротивъ того всякое искусственное пониженіе цѣнъ, (независимо отъ того, что могутъ терпѣть земледѣльцы отъ продажи хлѣба въ убытокъ себѣ), уменьшаетъ только бережливость и подвозъ изъ урожайныхъ мѣстъ. — Вотъ почему Дюпонъ-де Немуръ былъ правъ, утверждая что *единственное средство противъ дороговизны заключается въ самой дороговизнѣ.* И такъ глав-

ная задача состоитъ не въ удешевленіи хлѣба мѣрами искусственными, но во 1-хъ въ пробужденіи соперничества между продавцами, для того чтобы усиленное предложеніе привело скорѣе къ дешевизнѣ естественной; во 2-хъ въ увеличеніи средствъ бѣднѣйшихъ сословій, для того чтобы они могли покупать хлѣбъ и по высокой цѣнѣ.

По мнѣнію экономистовъ, для достиженія первой цѣли слѣдуетъ устранить всѣ препятствія, останавливающія торговлю хлѣбомъ, и доставить ей полицейскую защиту, столь необходимую во время неурожая. При этомъ долгъ не одной администраціи, но и образованныхъ сословій требуетъ всевозможнаго противодѣйствія народнымъ предрасудкамъ. Надо сдѣлать убѣжденіе господствующимъ, что всякое нарушение свободы торговли уменьшаетъ предложеніе и повышаетъ цѣны, что въ дороговизнѣ также мало виноваты скупщики — *roi monopolistes*, по безсмысленному выраженію одного французскаго писателя, какъ вѣдьмы и колдуны, которымъ невѣжество толпы приписывало народныя бѣдствія.

Необходимо растолковать народу, что хлѣбные торговцы, выручая во время дороговизны 100 и болѣе процентовъ, — нерѣдко въ теченіи долгихъ лѣтъ, терпятъ потери, или же имѣютъ прибыль ничтожную, въ сравненіи съ доходами другихъ промышленниковъ, что продавая хлѣбъ по дорогой цѣнѣ, они содѣйствуютъ сбереженію запасовъ, которые могли бы сдѣлаться недостаточными, при двухъ или болѣе, слѣдующихъ другъ за другомъ, неурожаяхъ; что, при отсутствіи подобной опасности, собственная выгода купца требуетъ скорѣйшаго сбыта — усиленія предложенія и слѣдовательно пониженія цѣны.

Далѣе, для облегченія участи лицъ, не имѣющихъ наличнаго достаточнаго дохода, для покупки хлѣба по дорогой цѣнѣ, наука совѣтуетъ прибѣгнуть къ положительному прямому содѣйствию. Помощь эта можетъ быть оказана въ тройкомъ видѣ:

1) Въ видѣ ссудъ. — При государственно-экономическомъ устройствѣ кредита, ссуды могутъ быть сдѣланы чрезъ посредство управленія мѣстнаго; при распространеніи частныхъ банковъ—этими послѣдними, но съ тѣмъ, что правительство, или еще лучше, городскія и сельскія общества примутъ на себя ручательство относительно возврата занятыхъ суммъ. Эта мѣра, при надлежащей распорядительности ничего не стоитъ правительству, и имѣетъ ту выгоду, что предотвращаетъ безпечность народа, вызываемую официальной благотворительностію.

2) Въ видѣ платы за исполненіе работъ. Село, городъ, наконецъ цѣлое государство, всегда могутъ имѣть въ виду выполненіе общепольныхъ работъ. Расчистка земель, насажденія, осушка полей, устройство дорогъ и каналовъ, возведеніе публичныхъ зданій, постройка крѣпостей, и пр., сдѣланныя на счетъ временныхъ займовъ, могутъ доставить довольно значительныя средства для существованія бѣдныхъ сословій, какъ во время голода, такъ и въ годъ, непосредственно за тѣмъ слѣдующій, когда должникамъ прійдется возвращать полученныя ссуды. Эта мѣра поддержитъ запросъ на хлѣбъ, дастъ полезное занятіе упраздненному труду и приготовитъ въ будущемъ новые источники для общественнаго благосостоянія.

3) Наконецъ экономисты утверждаютъ, что должна быть оказана помощь въ видѣ благотворительности неимущимъ,

которые не могут работать. Здѣсь очевидно рождаются вопросы: какая должна быть благотворительность—государственная ли, или частная, и чѣмъ она должна быть оказана деньгами ли, или натурою? Благотворительность, сообразная со началами политической экономіи есть та, которая предписана намъ божественнымъ ученіемъ Спасителя, именно благотворительность частная, возвышающая и облагораживающая душу дателя тайною совершаемаго имъ благодѣянія. Благотворительность государственная, когда собирается подать для раздачи нищимъ, какъ мы видимъ примѣръ этому въ Англии, лишена и характера нравственнаго,—потому что она выполняется по принужденію, и—экономическаго значенія, потому что при тѣхъ условіяхъ, въ которыя поставлена англійская промышленность, подать въ пользу бѣдныхъ, въ окончательномъ результатѣ, нерѣдко взывается съ самыхъ же бѣдныхъ. Отношенія соперничества позволяютъ подать, платимую съ имѣній, слагать на фермеровъ, а фермерамъ на работниковъ.

Изъ двухъ способовъ оказанія помощи во время дороговизны—раздачи денегъ и хлѣба,—по мнѣнію Рошера, первый имѣетъ преимущество, потому что лица, покупающія хлѣбъ на деньги, обходятся съ нимъ бережливѣе, да и самая потребность удовлетворяется соразмѣрнѣе. По этому можно съ полнымъ правомъ сомнѣваться въ пользѣ даровой раздачи хлѣба, какъ непосредственной, такъ и по билетамъ. Пособіе въ такомъ случаѣ оказывается довольно неразсчитливо, и что хуже, искажается естественная рыночная цѣна.

Наконецъ, можно ожидать успешныхъ результатовъ отъ учрежденія товариществъ для хлѣбной торговли, и для приготовленія болѣе дешеваго хлѣба, на чисто коммерче-

скихъ основаніяхъ. Сбереженіе бываетъ очень велико, при введеніи хорошаго способа печенія.

Примѣромъ подобныхъ товариществъ можетъ служить Эльберфельдская хлѣбная ганза (Kornhansa) 1816—17 года, составившая свой капиталъ посредствомъ выпуска акцій. Она купила на собранныя деньги хлѣбъ за границею, раздала своимъ членамъ квитанціи, по которымъ они получали хлѣбъ отъ булочниковъ, а булочники за эти же квитанціи получали муку отъ общества. — Акціонеры получали 5% прибыли, и по закрытіи товарищества, оказался остатокъ — въ 10,000 талеровъ, который былъ употребленъ на постройку богадѣльни. Успѣхъ этого учрежденія объясняется тѣмъ, что оно восполнило недостатокъ соперничества въ торговлѣ. Въ недавнее время, въ 1847 году, составила подобная же компанія на акціяхъ въ Іенѣ. Общество купило зерновой хлѣбъ, смолотило его само, и продавало печеный хлѣбъ $4\frac{1}{3}$ копѣйки ниже противу таксы. Въ августѣ общество разошлось, не потерпѣвъ никакой потери.

Основаніе такихъ товариществъ дѣло просвѣщенныхъ сословій, — участниками въ нихъ должны быть лица, которыя могутъ терпѣть отъ дороговизны. Подобныя предпріятія, доставляя первымъ нравственное вліяніе, сгладили бы въ теченіи времени рѣзкія различія въ интересахъ, цѣляхъ и стремленіяхъ, которыя мы находимъ между богатыми и бѣдными.

Выводы, сдѣланные наукою относительно предотвращенія вредныхъ послѣдствій дороговизны имѣли блистательное примѣненіе въ Тосканѣ, въ 1766 году, въ правленіе Великаго Герцога Леопольда; во Франціи въ Лимузенѣ, въ 1770—71 годахъ, во время интендантства Тюрго, оставившаго

по себѣ память великаго министра и благороднаго чловѣка; наконецъ въ новѣйшихъ государствахъ, болѣе и болѣе освобождающихся отъ старинныхъ предразсудковъ.

Намъ кажется, что приведенный нами примѣръ достаточенъ для того, чтобы показать какое вліяніе имѣла политическая экономія на дѣятельность практическую и какое огромное разстояніе между тѣмъ, что было вызвано ею и тѣмъ, что было сдѣлано грубою практикою. — Но безъ сомнѣнія онъ не составляетъ единственнаго свидѣтельства въ пользу нашей науки: въ этомъ убѣждаютъ насъ многочисленные народно-экономическія и финансовыя преобразованія, обязанныя ей своимъ существованіемъ, и уже упомянутыя нами.

Указывая на успѣхи, которыми общество обязано политической экономіи, мы не говорили о значеніи духовныхъ началъ: предметъ этотъ не входитъ въ кругъ ея изслѣдованій. Но политическая экономія сознаетъ связь между духовною и хозяйственною жизнію чловѣка, и сознавая ее, получаетъ право носить имя науки нравственной. — Поэтому М.м. Г.г. не поставьте экономистамъ въ вину мнимой односторонности, когда они говорятъ только о вліяніи труда, капитала или собственности на улучшеніе общественнаго быта. — Ученый, изслѣдуя явленія, представляемыя намъ природою общества, поступаетъ нерѣдко какъ химикъ, который разлагаетъ тѣло на его простыя составныя части и ограничивается изученіемъ одной изъ нихъ: онъ отличаетъ отношенія хозяйственныя, предполагающія взаимность услугъ — вознагражденіе для каждой изъ сторонъ, вступающихъ въ сдѣлку — отъ отношеній нравственныхъ, въ которыхъ услуга оказывается не по началу взаимности, а по представленію долга.

Наука однакоже помнить, что раздвоенія между тѣми и другими отношеніями не существуетъ, что выполненіе христіанскихъ обязанностей даетъ высшій смыслъ нашей экономической жизни. Кто можетъ говорить съ презрѣніемъ о честномъ трудѣ семьянина, или слуги общества, трудящихся для себя, и въ тоже время исполняющихъ свой долгъ, о собственности—этой основѣ самостоятельности и умственной дѣятельности человѣка? Имущество получаетъ въ нашихъ глазахъ высокую цѣну, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ источникъ, изъ котораго оно вытекаетъ, становится свѣтель и чисть, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ оно начинаетъ служить для удовлетворенія нашимъ духовнымъ потребностямъ, и является условіемъ другаго благороднѣйшаго существованія.

Да будетъ же наша экономическая дѣятельность запечатлѣна смысломъ нравственнымъ, да будетъ она двигателемъ просвѣщенія, могущества и славы Россіи, подъ державнымъ скипетромъ Августѣйшаго Монарха нашего; да принесетъ она свою лепту на алтарь Церкви — хранительницы высшей истины, и да облегчитъ она нищему—его существованіе, павшему и отверженному—возвратъ въ нравственный человѣческій союзъ.

БРАТКІЙ ОТЧЕТЪ

О СОСТОЯНІИ И ДѢЙСТВІЯХЪ

УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМИРА.

ЗА 1855—56 УЧЕБНЫЙ ГОДЪ.

Оканчивая нынѣ двадцать второй годъ своего существованія Университетъ Св. Владиміра представляетъ благо-склонному вниманію Вашему М.м. Г.г. краткій очеркъ состоянія и дѣйствій своихъ въ этомъ году.

I.

Недавно конченная война доставила Университету нашему случай быть нѣсколько полезнымъ службѣ Государю и Отечеству.

Въ концѣ 1854 года Ординарный Профессоръ фонъ-Гюббенетъ командированъ былъ, по собственному вызову, въ Севастополь для пользованія тѣхъ раненныхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, которые по свойству ихъ ранъ требовать будутъ болѣе сложныхъ и трудныхъ операцій. Изъ командировки этой Г. фонъ - Гюббенетъ возвратился 22-го Сентября 1855 года. Находясь въ Севастополь онъ съ 5-го Декабря 1854 года по 19-е Января 1855 года исполнялъ должность оператора на главномъ перевязочномъ пунктѣ праваго фланга оборонительной линіи; съ 19-го Января по 1-е Юня завѣдывалъ перевязочнымъ пунктомъ и былъ глав-

нымъ хирургомъ на лѣвомъ флангѣ оборонительной линіи, подавая пособіе раненымъ во время кровопролитныхъ боевъ при Селенгинскомъ, Волинскомъ и Камчатскомъ редутахъ, при второмъ усиленномъ бомбардированіи, потомъ при дѣлахъ 10-го и 26-го Мая и наконецъ при послѣдующемъ усиленномъ бомбардированіи; съ 1-го Іюня онъ завѣдывалъ главнымъ перевязочнымъ пунктомъ на правомъ, а съ 4-го по 15-е Іюня на лѣвомъ флангѣ оборонительной линіи, куда перевезены были раненные послѣ штурма 6-го Іюня; съ 15-го Іюня до отступленія изъ южной части Севастополя онъ завѣдывалъ главнымъ перевязочнымъ пунктомъ на правомъ флангѣ оборонительной линіи; кромѣ того во все время бытности въ Севастополѣ онъ былъ консультантомъ во всѣхъ отдѣленіяхъ севастопольскихъ госпиталей. Имъ самимъ, или же подъ непосредственнымъ его руководствомъ, сдѣлано болѣе важныхъ и трудныхъ операцій 2467.— На этомъ поприщѣ неимоверно трудной службы въ Севастополѣ Г. фонъ — Гюббенетъ, по засвидѣтельствованію Графа Стень-Сакена, подвизался съ рѣдкимъ самоотверженіемъ, отличаясь притомъ превосходнымъ знаніемъ своего дѣла; заботливостію своею, неусыпнымъ трудомъ и искусствомъ онъ, по отзыву Г. Вице — Адмирала Новосельскаго, принесъ неогрѣненную пользу и заслужилъ полную признательность и уваженіе пользовавшихся его познаніями и совѣтами.

Едва вѣсть о командированіи въ Севастополь Профессора фонъ—Гюббенета распространилась между его слушателями, какъ многіе изъ нихъ, увлекаемые примѣромъ достойнаго своего наставника, пожелали сопутствовать ему и принести свои посильные труды на облегченіе страданій раненныхъ защитниковъ славнаго Севастополя. — Невоз-

можно было исполнить желаніе всѣхъ, — и изъ числа ихъ командированы съ Профессоромъ Гюббенетомъ избранные имъ 4-е Студента: Людовикъ Маровскій (нынѣ Ассистентъ при Терапевтической клиникѣ Университета Св. Владимира), Давидъ Выводцевъ, Николай Гарнье и Игнатій Вишневскій. Воспитанники эти, по засвидѣтельствованію Графа Остенъ-Сакена, исполняли всѣ возлагаемыя на нихъ порученія съ рѣдкимъ усердіемъ, неутомимою дѣятельностію и похвальнымъ знаніемъ дѣла.

Въ воздаяніе этого подвига самоотверженія и чело-вѣколюбія Профессоръ Гюббенетъ произведенъ въ Статскіе Совѣтники, пожалованъ Кавалеромъ ордена Св. Станислава 2-й степени съ мечами, награжденъ медалью за защиту Севастополя установленною и кромѣ того, на основаніи Высочайшаго указа 31-го Августа 1855 года, зачтено ему время бытности въ Севастополѣ за 8 лѣтъ 9 мѣсяцевъ и 6 дней въ службу по учебной части Министерства Народнаго Просвѣщенія. Маровскому же, Выводцеву, Вишневскому и Гарнье Государь Императоръ Всемилоостивѣйше повелѣлъ соизволилъ, выдать установленныя за Севастополь медали и утвердя первыхъ трехъ (выдержавшихъ еще въ прошломъ году испытаніе на степень Лекаря), а Студента Гарнье по удостоеніи сей степени, въ чинѣ IX класса, считать имъ время бытности при оборонѣ Севастополя дѣйствительною медицинскою службою на основаніи Высочайшаго указа 31-го Августа 1855 года, полагая мѣсяць за годъ. Кромѣ того Государю Императору угодно было Всемилоостивѣйше пожаловать Студенту Гарнье, болѣе другихъ трудившемуся, подарокъ въ 150 рублей серебромъ. По крайнему недостатку врачей въ войскахъ Южной

Арміи военное начальство представило о необходимости командировать туда изъ ближайшихъ Университетовъ Профессоровъ и Студентовъ Медицинскаго Факультета для пользованія воиновъ отъ появившихся тифозныхъ горячекъ. Во исполненіе послѣдовавшей по сему предмету Высочайшей воли командированы въ Мартъ 1856 года въ Одессу Ординарный Профессоръ Алферьевъ и Экстра-Ординарный Профессоръ Мерингъ, а также казеннокоштные Студенты Медицинскаго Факультета 8-го семестра: Константинъ Грабовскій, Александръ Гумбургъ, Сильвестръ Кладкевичъ, Ѳедоръ Кривуша, Павель Малюга, Михайль Митаревскій, Генрихъ Сонгайло и Оттонъ Халецкій. Кромѣ того до тридцати своекоштныхъ Студентовъ вызвались сопутствовать Г.г. Алферьеву и Мерингу. Но во исполненіе Высочайшей резолюціи, послѣдовавшей 23 Марта на всеподданнѣйшемъ докладѣ о семъ Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, они, по измѣнившимся обстоятельствамъ, не были командированы, а за „похвальное усердіе“ удостоились Высочайшаго благоволенія. Отправившіеся съ упомянутыми Профессорами казеннокоштные воспитанники прибыли уже въ Кіевъ въ минувшемъ маѣ. Г.г. же Алферьевъ и Мерингъ по минованіи въ нихъ надобности въ г. Одессѣ, отправлены были въ Крымъ, а за симъ, съ Высочайшаго разрѣшенія и по исполненіи въ Крыму даннаго имъ порученія, въ Константинополь, для продолженія изслѣдованій причинъ, свойства и особенностей развившейся на югѣ тифозной горячки и опредѣленія способовъ ея леченія.

Въ 1855—56 учебномъ году Медицинскій Факультетъ Университета Св. Владиміра, какъ и въ прошлые годы, усиливъ занятія свои со Студентами высшихъ семестровъ усиль

приготовить къ испытанію на степенъ Лекаря 19 казеннокоштныхъ и своекоштныхъ воспитанниковъ прежде истеченія для нихъ пяти-лѣтняго срока, назначеннаго для окончанія полнаго курса медицины. Но какъ выпускаемые такимъ образомъ на службу казеннокоштные воспитанники не пользовались въ Университетѣ полнымъ срокомъ для медицинскаго образованія своего, то Совѣтъ Университета призналъ умѣстнымъ снабдить сихъ воспитанниковъ, въ замѣнъ того, медицинскими книгами, которыя при ограниченномъ содержаніи лекарей военнаго вѣдомства имъ трудно было бы пріобрѣсть на собственный счетъ. Объ утвержденіи этой мѣры Совѣтъ ходатайствовалъ по начальству и Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія разрѣшилъ: снабжать на счетъ Университета лучшими медицинскими книгами, на сумму до 57 руб. 10 коп. серебр., cadaго казеннокоштнаго Студента, выпускаемаго на службу раньше обыкновеннаго срока.

Наконецъ по случаю военныхъ событій въ Крыму устроено при Клиникахъ Университета особое отдѣленіе для раненныхъ Офицеровъ, гдѣ подъ руководствомъ нашего извѣстнаго хирурга Ординарнаго Профессора Караваева приносимо было имъ возможное медицинское пособіе.

II.

Новыя распоряженія по Университету Св. Владиміра въ 1855—56 учебномъ году состояли въ слѣдующемъ:

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, принявъ во Всемилоствѣйшее вниманіе общее стремленіе нашего юно-

шества къ высшему образованію, въ 23 день Ноября Высочайше повелѣть соизволилъ: принимать во всѣ Факультеты Университетовъ неограниченное число Студентовъ.

Это Высочайшее повелѣніе передано было Университету при слѣдующемъ циркулярномъ предписаніи Г-на Министра Народнаго Просвѣщенія: „Всемиловѣйшее
 „разрѣшеніе о допущеніи неограниченнаго числа Студен-
 „товъ во всѣ Факультеты служить несомнѣннымъ и утѣ-
 „шительнымъ доказательствомъ довѣренности Государя
 „Императора къ направленію преподаванія въ Универси-
 „тетахъ и къ духу ихъ, благоустройство сохраняющему,
 „а вмѣстѣ съ тѣмъ доказательствомъ Всемиловѣйшаго
 „вниманія и къ благородному стремленію нашего юношества
 „къ пріобрѣтенію правильнаго и высшаго образованія. Въ
 „томъ и другомъ отношеніяхъ милость Государя Импе-
 „ратора многозначительна и возлагаетъ на Университеты
 „и на юношество новыя, священныя обязанности и новую
 „отвѣтственность. Я убѣжденъ, что Университеты постиг-
 „нутъ и оцѣнятъ дарованное имъ преимущество, постоянно
 „имѣя въ виду, что большее число учащихся есть только
 „средство къ распространенію познанія и наукъ; но что
 „сей способъ окажется еще недостаточнымъ, если не бу-
 „детъ обращено строгаго вниманія на то, чтобы умножи-
 „лось число обучавшихся и приготовившихъ себя надле-
 „жащимъ образованіемъ къ полезной дѣятельности на раз-
 „личныхъ путяхъ государственнаго и общественнаго пре-
 „успѣянія. Число сихъ послѣднихъ, а не одно число по-
 „сѣщающихъ Университетъ, можетъ быть сочтено ему въ
 „заслугу и утвердить за нимъ права на Всемиловѣйшее
 „благоволеніе Государя Императора и на признатель-

„ность соотчицей. Съ сей точки зрѣнія указывается само собою Университетамъ на необходимость усилить благо-разумную и прозорливую строгость пріемныхъ и въ особенности выпускныхъ испытаній.“

Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу Г. Министра Народнаго Просвѣщенія въ 24 день Декабря 1855 года Всемилоостивѣйше соизволилъ на дозволеніе Министерству Народнаго Просвѣщенія разрѣшать переходъ изъ медицинскаго въ другіе Факультеты тѣмъ изъ медицинскихъ Студентовъ, кои по непосредственному удостовѣренію Начальства Университета и Попечителя Округа будутъ признаны дѣйствительно неспособными къ продолженію изученія медицинскихъ наукъ, по отвращенію къ анатомическимъ занятіямъ или по другимъ особо уважительнымъ причинамъ.“

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія имѣлъ счастье Всеподданнѣйше представить Его Императорскому Величеству о необходимости, чтобы каждый Профессоръ по своей кафедрѣ внимательно слѣдилъ за лучшими Студентами и, если они окажутъ расположеніе къ ученому званію, подготовлялъ бы ихъ спеціально къ профессорскимъ обязанностямъ, доводя о послѣдующемъ чрезъ посредство своего Начальства до свѣдѣнія Министерства, съ тѣмъ, чтобы молодыхъ людей, отличныхъ по ихъ способностямъ, посвящающихъ себя наукамъ и уже испытанныхъ Министерствомъ посредствомъ порученія имъ на нѣсколько времени преподавательскихъ должностей, посылать за границу для усовершенствованія въ избранномъ предметѣ и полного при-готовленія къ профессорскому званію. Государь Императоръ въ 5 день Марта 1856 года Высочайше соизволилъ одобрить эти предположенія.

Въ имянномъ Высочайшемъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату въ 5 день Мая 1856 года Государь Императоръ „признавая одною изъ самыхъ „важныхъ государственныхъ заботъ образованіе народное, „какъ залогъ будущаго благоденствія Россіи,“ Всемиловѣйше повелѣтъ соизволилъ „чтобы учебныя заведенія въ- „домства Министерства Народнаго Просвѣщенія находились „подъ ближайшимъ Его Величества наблюденіемъ и „попеченіемъ.“

На основаніи утвержденныхъ Г-мъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія правилъ о стипендіяхъ Генерала отъ Инфантеріи Дмитрія Гавриловича Бибикова полагается содержать въ Университетѣ Св. Владиміра двухъ воспитанниковъ на счетъ процентовъ отъ капитала, пожертвованнаго по добровольной подпискѣ чиновниками и преподавателями Университета Св. Владиміра и Кіевскаго Учебнаго Округа для составленія упомянутой стипендіи. Могущіе быть остатки процентовъ отъ сказаннаго капитала предоставляется сими же правилами обращать между прочимъ и на увеличеніе числа стипендіатовъ. Совѣтъ Университета, видя возможность содержать еще одного воспитанника на счетъ процентовъ отъ означеннаго капитала и желая умножить для лицъ недостаточныхъ средства получить Университетское образованіе, исходатайствовалъ дозволеніе—содержать 3-хъ стипендіатовъ Дмитрія Гавриловича Бибикова.

Обращая постоянное вниманіе на образованіе медиковъ, въ которыхъ чувствуется столь большая потребность, и вполне сознавая пользу практическихъ упражненій ихъ подъ руководствомъ опытныхъ наставниковъ, Совѣтъ Университета, съ разрѣшенія Г. Начальника Округа, принялъ за

правило, чтобы Профессоры, практически упражняющіе Студентовъ медицинскаго Факультета въ факультетскихъ и госпитальныхъ Клиникахъ, представляли въ концѣ каждаго полугодія общую вѣдомость о всѣхъ Студентахъ, посѣщавшихъ въ томъ полугодіи Клиники, обозначая въ вѣдомости этой цифрами оказанные Студентами успѣхи въ клиническихъ занятіяхъ; чѣмъ доставится Университету возможность, слѣдить съ большею точностію за ходомъ практическихъ занятій Студентовъ Медицинскаго Факультета.

На основаніи 78 § Общаго Устава Россійскихъ Университетовъ объявлены въ истекающемъ академическомъ году отъ Университета Св. Владиміра конкурсы на должность Профессора по кафедрѣ Астрономіи и Адъюнкта по кафедрѣ Государственнаго Врачебновѣдѣнія. Для выполненія соискателями требуемыхъ программами конкурса условій назначены были сроки: для желающихъ занять должность Профессора по кафедрѣ Астрономіи къ 15 Декабря 1855 года, а для ищущихъ должности Адъюнкта по кафедрѣ Государственнаго Врачебновѣдѣнія къ 1 Юня 1856 года; но къ симъ срокамъ соискатели не явились.

III.

Въ лѣтнее каникулярное время 1855 года Ординарный Профессоръ Теофилактовъ снова совершилъ поѣздку въ нѣкоторые уѣзды Кіевской губерніи, продолжая собирать данныя для составленія геогностической карты Кіевской губерніи. Не теряя нити наблюденій, произведенныхъ въ предшествовавшій поѣздки, Г. Теофилактовъ осмотрѣлъ весь

Таращанскій уѣздъ, сѣверную часть Звенигородскаго уѣзда, а оттуда перенесъ свои наблюденія въ Черкасскій уѣздъ. При возрастающей потребности въ горючихъ матеріалахъ, истребляемыхъ преимущественно сахарными заводами, вопросъ о существованіи каменнаго угля въ Кіевской губерніи занималъ постоянно Г. Теофилактова при упомянутыхъ изслѣдованіяхъ. О результатахъ произведенныхъ имъ по сему предмету наблюдений онъ составилъ особую записку. Кромѣ того Пр. Теофилактовъ при геогностическихъ разысканіяхъ своихъ обращалъ вниманіе на возможность имѣть въ Кіевѣ артезіанскіе колодцы, о чемъ онъ также написалъ особую статью.

Въ Маѣ текущаго года Профессоръ Теофилактовъ вновь командированъ для геогностическихъ изслѣдованій уѣздовъ Чигиринскаго, Черкаскаго, Каневскаго и Радомысльскаго.

Ординарный Профессоръ Роговичъ въ Апрѣлѣ текущаго года совершилъ поѣздку въ нѣкоторыя мѣста Полтавской губерніи для сбора луковичныхъ и другихъ раннихъ весеннихъ растений. Въ эту командировку онъ собралъ 300 экземпляровъ этихъ растений (которые переданы имъ въ Университетскій гербарій) и кромѣ того 500 луковицъ разнаго рода, посаженныхъ уже въ Ботаническомъ саду Университета.

Ординарный Профессоръ Кесслеръ совершилъ въ 18⁵⁶/₅₆ учебномъ году нѣсколько небольшихъ поѣздокъ по Кіевской губерніи, преимущественно для наблюдений надъ перелѣтомъ птицъ и для собиранія рыбъ и червей.

Ординарный Профессоръ Иванишевъ открылъ въ актахъ Кіевскаго Центральнаго Архива, что въ Луцкой Соборной Цер-

кви Иоанна Богослова находились, въ XVI вѣкѣ, гробницы Вел. Князей Литовскихъ. Такъ въ актѣ о ввѣдѣ въ Луцкую епархію Епископа Кирилла Терлецкаго 1585 г. сказано: „Въ Собор. Церкви Иоанна Богослова, въ верхнемъ замкѣ Луцкомъ, хранилась грамота В. Кн. Любарта, который эту Церковь фундавалъ; въ этой Церкви гробъ его и теперь есть.“ Въ жалобѣ тогожъ Епископа Кирилла Терлецкаго на старосту Луцкаго Александра Семашка, 1591 г., сказано: „Въ Соборн. Церкви Луцкой Иоанна Богослова, въ верхнемъ замкѣ Луцкомъ тѣла покойныхъ государей христіанскихъ, В. Князей Русскихъ, лежатъ и гробы ихъ суть“

Временная Комиссія для разбора древнихъ актовъ, желая повѣрить указаніе актовъ на мѣстѣ, снеслась съ своимъ корреспондентомъ Собор. Протоіереемъ Луцкимъ Исидоромъ Метельскимъ, отъ котораго получены слѣдующія свѣдѣнія: Соборная Церковь Иоанна Богослова, существовавшая въ замкѣ Луцкомъ съ незапамятныхъ временъ, разрушена неизвѣстно когда. Изъ актовъ видно, что въ этой Церкви погребенъ былъ Кн. Свиригаило Ольгердовичъ; здѣсь же вѣроятно погребены были и его предшественники, какъ фундаторы Церкви.— Для изслѣдованія на мѣстѣ командированъ былъ въ Луцкъ, въ Сентябрѣ 1855 г., Орд. Пр. Иванишевъ, который, прибывъ на мѣсто изслѣдованія, нашель все пространство, на которомъ была устроена Церковь гладкимъ и ровнымъ, безъ всякихъ слѣдовъ развалинъ; только гуль, раздававшійся отъ удара въ землю, давалъ знать, что подъ землею должны находиться пустыя пространства.— Открывъ остатки западной стѣны и сообразивъ планъ зданія, Г. Иванишевъ началъ раскапывать средину Церкви, направляя работы къ алтарной части. При этомъ онъ убѣдился, что подъ Церковью былъ

устроенъ склепъ, но что онъ былъ разобранъ, а оставшееся пустое пространство завалено землею и камнемъ. Нужно было начать работу въ большемъ размѣрѣ, копая въ глубь и очищая подвальный этажъ зданія отъ земли, муссора и камней. Послѣ 16-и дней работы Пр. Иванишевъ открылъ наконецъ склепъ, примыкавшій къ восточной части Церкви и окружавшій алтарную часть. Склепъ устроенъ сводомъ изъ кирпича, высота его двѣ, широта полторы сажени, толщина свода около полутора аршина. Склепъ имѣетъ два входа: одинъ съ сѣверной, другой съ южной стороны. Устроенныя въ стѣнахъ ниши показываютъ, что склепъ назначался для храненія гробницъ. Проникнувъ въ подземелье Пр. Иванишевъ нашелъ свободнымъ пространство не болѣе сажени; далѣе сводъ пробить и заваленъ землею и камнемъ. Оставалось предпринять трудную и продолжительную работу: очищать проходъ въ склепъ, работая въ подземельи, разрыть средину Церкви, еще нетронутую, и копать въ глубь, чтобы удостовѣриться не было ли втораго подвального этажа, какъ это находили въ древнѣйшихъ костелахъ Луцкихъ. Но наступившая осенняя, ненастная погода принудила прекратить работы, и Пр. Иванишевъ, заложивъ открытые имъ входы въ подземелье, отложилъ дальнѣйшее изслѣдованіе до другаго, болѣе благопріятнаго времени.

Наконецъ Ординарный Профессоръ Университета и Директоръ Терапевтической Клиники Университета Цыцуриинъ отправленъ въ первыхъ числахъ мая съ Высочайшаго повелѣнія за границу: въ Италію, Германію и Францію, на 5-ть мѣсяцевъ. Хотя главная цѣль поѣздки Профессора Цыцурина заключается въ поправленіи разстроеннаго здоровья его, но Университетъ, пользуясь настоящимъ

случаемъ, поручилъ сему преподавателю имѣть при этомъ въ виду по возможности и учено — практическую цѣль. — Быстрый прогрессъ практической медицины, особенно въ послѣднее десятилѣтіе, потребовалъ нѣкоторыхъ нововведеній въ госпитальномъ ея приложеніи. Техническая часть діагностики и самая терапія болѣзней подверглись въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершенной реформѣ. Преподавателю практической медицины необходимо видѣть все это на самомъ дѣлѣ, т. е. въ клиникахъ и лучшихъ госпиталяхъ, гдѣ представляется возможность, сравнить и повѣрить чужія наблюденія своими собственными. Директоръ клиники въ особенности нуждается въ обществѣ другихъ, подобныхъ ему дѣятелей, нуждается въ размѣнѣ идей и медико-практическихъ убѣжденій, которыя не смотря на богатство медицинской литературы не всѣ почерпаются изъ книгъ, часто весьма недостаточныхъ и невѣрныхъ для рѣшенія весьма важныхъ медико — практическихъ вопросовъ. По этимъ побужденіямъ Университетъ въ видахъ прямой пользы, которую можно извлечь въ семъ отношеніи изъ поѣздки Профессора Цыцурина, поручилъ ему, посѣтить извѣстнѣйшія медицинскія клиники и госпитали въ Германіи, особенно въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Прагѣ, Гейдельбергѣ, Боннѣ, а на обратномъ пути въ С.-Петербургѣ и Москвѣ.

IV.

Дѣятельность Преподавателей Университета и въ этомъ учебномъ году не ограничивалась исполненіемъ служебныхъ

ихъ обязанностей. Изъ ученыхъ трудовъ ихъ изданы или приведены къ концу нижеслѣдующіе:

Ректоръ Университета Траутфеттеръ помѣстилъ въ Бюллетенъ Императорской Академіи Наукъ двѣ статьи „Ueber *Camforosma ovata* und *annua*“ и „Ueber einige *Staticaceae* Russlands.“

Профессоръ Протоіерей Скворцевъ напечаталъ нѣсколько статей духовнаго содержанія въ журналѣ „Воскресное чтеніе.“

Ординарный Профессоръ Кноррь приготовилъ статью „О мѣрѣ зримости малыхъ слабоосвѣщенныхъ тѣлъ“ для напечатанія въ „Annalen der Physik“ издаваемыхъ членомъ Берлинской Академіи Поггендорфомъ.

Ординарный Профессоръ Кесслеръ напечаталъ статью „О рыбахъ, которыя водятся въ водахъ губерній Кіевскаго Учебнаго Округа.“

Ординарный Профессоръ Вальтеръ напечаталъ вторымъ изданіемъ свое сочиненіе: „Курсъ анатоміи человѣческаго тѣла.“

Ординарный Профессоръ Матвѣевъ напечаталъ первый выпускъ „Курса акушерства для учащихся“ и занимался приготовленіемъ къ печати втораго выпуска.

Ординарный Профессоръ Гогоцкій напечаталъ въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія статью „о чувствительныхъ способностяхъ“ и приготовилъ къ печати первый томъ „Философскаго лексикона.“

Ординарный Профессоръ фонъ – Гюббенетъ напечаталъ первую и вторую часть своего сочиненія „О состояніи современной медицины въ Западной Европѣ; о медицинѣ въ Австріи и Италіи.“

Ординарный Профессоръ Ходецкій издалъ рѣчь „Объ успѣхахъ сельскаго хозяйства въ Россіи,“ произнесенную имъ въ торжественномъ собраніи Университета въ 1855 г. напечаталъ въ журналѣ Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства „Предложеніе о составленіи описанія помѣщичьихъ имѣній.“

Ординарный Профессоръ Бунге напечаталъ въ трудахъ Коммиссіи, Высочайше учрежденной для описанія губерній Кіевскаго Учебнаго Округа, изслѣдованіе „О добываніи желѣзной руды и о выплавкѣ изъ нея чугуна и желѣза въ губерніяхъ Кіевскаго Учебнаго Округа,“ и написалъ для произнесенія въ настоящемъ торжественномъ актѣ рѣчь подъ заглавіемъ: „О мѣстѣ, занимаемомъ политическою экономіею въ системѣ народнаго образованія, и объ отношеніи ея къ практической дѣятельности.“

Ординарный Профессоръ Селинъ, въ званіи члена временной Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ, Высочайше учрежденной при Кіевскомъ Военномъ, Подольскомъ и Волинскомъ Генераль-Губернаторѣ, переводилъ съ польскаго и латинскаго языка матеріалы для исторіи малороссіи, изъ которыхъ памятники 1660, 1661 и 1662 годовъ уже напечатаны, а другіе, относящіеся къ 1663 и 1664 годамъ, приготовлены къ изданію.

Ординарный Профессоръ Роговичъ напечаталъ сочиненіе „Обозрѣніе сосудистыхъ и полусосудистыхъ растений, входящихъ въ составъ флоры губерній Кіевской, Черниговской и Полтавской.“

Исправляющій должность Ординарнаго Профессора Деленъ занимался составленіемъ „Руководства для преподаванія Исторіи римской словесности и по порученію Академіи

Наукъ написалъ разборъ на сочиненіе Ешевскаго „о Сидоніи Аполлинаріи.“

Исправляющій должность Экстраординарнаго Профессора Беретти по порученію Его Сіятельства бывшаго Г. Начальника Кіевскаго Учебнаго Округа составилъ новый проэктъ со смѣтами на постройку въ Кіевѣ лавокъ на время ярмарокъ.

Адъюнктъ Рахманиновъ написалъ и приготовилъ къ печати сочиненіе подъ заглавіемъ „Основаніе теоріи относительнаго движенія.“

Адъюнктъ Линниченко издалъ рѣчь „Очеркъ постепеннаго развитія идей о языкѣ и языкознаніи въ Россіи.“

Кромѣ того, по распоряженію Начальства Ординарный Профессоръ Фонбергъ занимался анализомъ воды 95 колодцевъ Кіевской крѣпости; при содѣйствіи Адъюнкта Чугаевича и Лаборанта Ковальскаго произведено имъ подробное и обстоятельное изслѣдованіе крѣпостныхъ колодцевъ и о результатахъ этого изслѣдованія составилъ отчетъ.

Библіотекаръ Университета Красовскій продолжалъ заниматься составленіемъ алфавитнаго каталога книгъ Университетской Библіотеки. Въ 1855—56 учебномъ году изданы 5, 6, 7, 8, 9, 10 и 11 выпуски сего каталога.

Во время холеры, свирѣпствовавшей въ Кіевѣ въ 1855 г. медицинскій Факультетъ Университета Св. Владиміра приглашенъ былъ содѣйствовать Губернскому Комитету общественаго здравія. Деканъ Факультета Мирамъ, принимая дѣятельное участіе во всѣхъ мѣрахъ и распоряженіяхъ Комитета, много споспѣшествовалъ счастливымъ результатамъ мѣръ, принятыхъ противу эпидеміи. Для завѣдыванія

же учрежденными въ Кіевѣ двумя холерными больницами назначены были Профессоры Университета Беккеръ и Мерингъ, а въ помощь имъ прикомандированы были къ сказаннымъ больницамъ Студенты медицинскаго Факультета: Ролле, Орановскій, Шальчевскій, Барановскій, Венгржиновскій, Гебда и Чарковскій. Профессоры Беккеръ и Мерингъ, завѣдуя сказанными больницами, подавали собою примѣръ рѣдкаго самоотверженія, усердія и любви къ страждущимъ, а упомянутые Студенты, стараясь подражать своимъ наставникамъ, принесли неоцѣненную пользу заведеніямъ, къ которымъ были прикомандированы. За эти похвальныя дѣйствія Г. г. Мирамъ, Беккеръ и Мерингъ и поименованные Студенты удостоились искренней признательности Его Сіятельства, бывшаго Г. Начальника Кіевскаго Учебнаго Округа.

V.

Въ Почетные Члены Университета Св. Владиміра избраны Совѣтомъ Университета и утверждены въ семь званій Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія слѣдующія лица:

1) Товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, избраніемъ котораго въ Почетные Члены Университетское сословіе желало выразить свое глубокое уваженіе къ литературнымъ трудамъ Его Сіятельства и принести дань благодарности за всегда теплое участіе Его Сіятельства къ отечественному просвѣщенію.

2) Заслуженный Ординарный Профессоръ Императорской Медикохирургической Академіи, Дѣйствительный Статскій

Совѣтникъ Николай Ивановичъ Пироговъ, ознаменовавшій ученую и служебную свою дѣятельность многочисленными геніальными открытіями въ области медицины и истинно полезными трудами на пользу отечества.

3) Генераль – Адъютантъ Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ. Избраніемъ его въ Почетные Члены Университетъ желалъ выразить глубокое сочувствіе къ его геніальнымъ трудамъ во время незабвенной севастопольской борьбы и къ блистательнымъ научнымъ подвигамъ, которые его ставятъ на ряду съ знаменитѣйшими инженерами нашего времени.

VI.

Въ сословіи Преподавателей и Чиновниковъ Университета Св. Владиміра произошли въ теченіи минувшаго года слѣдующія перемѣны:

Ординарный Профессоръ Кесслеръ избранъ Деканомъ Физико – Математическаго Факультета и утвержденъ въ сей должности на 4 года съ 22 Марта 1856 года.

Опредѣлены въ Университетъ: Священникъ Кіево-Прозоровской, Владиміро-Алексадро-Невской Церкви *Богдановъ* Настоятелемъ Университетской Православной Церкви; Коллежскій Секретарь *Барвинскій* Секретаремъ Соловѣта; Докторъ *Натъ* Помощникомъ Прозектора Анатоміи; Докторъ *Караваевъ* Ассистентомъ при Хирургической Клиникѣ;

Декарь *Маровскій* Ассистентомъ при Терапевтической Клиникѣ; Коллежскій Секретарь *Каменскій* Секретаремъ Библиотеки; Канцелярскій Служитель Кіевскаго Губернскаго Правленія *Пискорскій*, Канцелярскій Служитель Кіевскаго Окружнаго Управленія Государственныхъ Имуществъ *Хилькевичъ* и дворянинъ *Стебельскій* Канцелярскими Служителями въ Правленіе Университета; дворянинъ *Самойленко* Канцелярскимъ Служителемъ въ Совѣтъ Университета.

Повыщены въ должностяхъ: Экстраординарный Профессоръ *Роговичъ* въ Ординарные Профессоры по занимаемой имъ кафедрѣ Ботаники; Секретарь Совѣта *Коломійцовъ* Синдикомъ Университета; Ассистентъ при Терапевтической Клиникѣ *Горецкій* Помощникомъ Директора той же Клиники; Канцелярскій Чиновникъ Библиотеки *Жолкевичъ* Помощникомъ Секретаря Правленія Университета.

Опредѣлены къ другимъ должностямъ сверхъ занимаемыхъ уже при Университетѣ: Ординарный Профессоръ *Кнорръ* Преподаватель Физики въ Кіевскій Институтъ Благородныхъ Дѣвицъ; Адъюнктъ *Эйсманъ* Секретаремъ юридическаго Факультета; Адъюнктъ *Динищенко* Преподавателемъ русской словесности въ Кіевскій Институтъ Благородныхъ Дѣвицъ и въ Училище Графини Левашевой; Экстраординарный Профессоръ *Мерингъ* младшимъ Ординаторомъ въ Кіевскій Военный Госпиталь; Помощникъ Директора Терапевтической Клиники *Горецкій* Врачемъ при Училищѣ Графини Левашевой и Секретаремъ медицинскаго Факультета; Казначей Университета *Кня-*

жсинскій Старостою Римско-Католической Университетской Церкви,

Произведены въ слѣдующіе чины: Заслуженный Ординарный Профессоръ *Фонбергъ* въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники; Ординарный Профессоръ *Фонъ - Гюббенетъ* въ Статскіе Совѣтники; Экстраординарный Профессоръ *Мацонъ* въ Коллежскіе Ассессоры; Прозекторъ Анатоміи *Эргардтъ* въ Коллежскіе Ассессоры; Хранитель Минцъ Кабинета *Волошинскій* въ Надворные Совѣтники; Ассистентъ при Терапевтической Клиникѣ *Маровскій* въ Титулярные Совѣтники; Секретарь Правленія *Стафіевскій* въ Коллежскіе Секретари; Канцелярскіе Служители Совѣта: *Божовскій* и *Протасовъ* въ Коллежскіе Регистраторы.

Награждены: Орденомъ Св. Анны 2-й степени съ короною Ординарный Профессоръ *Караваевъ*; Орденомъ Св. Станислава 2-й степени съ мечами Ординарный Профессоръ *Фонъ - Гюббенетъ*; Орденомъ Св. Станислава 2-й степени: Ординарный Профессоръ *Вальтеръ*, Исправляющій должность Ординарнаго Профессора *Делленъ* и Экстраординарный Профессоръ *Ставровскій*; знакомъ отличія безпорочной службы за XX лѣтъ Ординарный Профессоръ *Федотовъ-Чеховскій*; за XV лѣтъ: Деканъ юридическаго Факультета *Иванишевъ*, Ординарный Профессоръ *Караваевъ*, Адъюнктъ *Страшкевичъ* и постоянный Помощникъ Завѣдующаго Центральнымъ Архивомъ *Якубовскій*; — обыкновенными подарками: Библіотекарь *Красовскій* въ 500 р. сер. Бухгалтеръ *Сомплавскій*, Архивариусъ *Піотровскій* и Кон-

серваторъ *Шустерусъ* въ 250 р. сер. каждый; Канцелярскій Служитель при Инспекторѣ Студентовъ *Дидкевичъ* въ 150 р. сер.

Выбыли изъ Университета Св. Владиміра: Исправлявшій должность Синдика — *Зубковичъ* назначенъ Чиновникомъ Особыхъ порученій при Генераль-Интендантѣ Западной Арміи; Настоятель Православной Университетской Церкви *Крамаревъ* опредѣленъ Ключаремъ Кіево-Софійскаго Кафедральнаго Собора; Ассистентъ Хирургической Клиники *Коленда* переведенъ Уѣзднымъ Врачемъ Псковской губерніи въ г. Островъ; Помощникъ Секретаря Правленія *Ясинскій* перемѣщенъ Унтеръ-Цейхвартеромъ; Канцелярскій Служитель Правленія *Подустъ* назначенъ Бухгалтеромъ Дирекціи Училищъ Подольской губерніи; Канцелярскій Служитель Правленія *Шимковичъ* перемѣщенъ на службу въ Кіевскую Казенную Палату.

Уволены отъ службы по прошеніямъ: Помощникъ Директора Терапевтической Клиники *Слободзинскій*; Канцелярскіе Служители Совѣта *Можейко* и *Сльсаревскій*. Ординарный Профессоръ *Феофилактовъ* уволенъ, согласно прошенію, отъ временнаго преподаванія Технологіи и завѣдыванія Технологическимъ Кабинетомъ и Лабораторією. Преподаваніе Технологіи и завѣдываніе упомянутымъ Кабинетомъ и Лабораторією поручено Адъюнкту *Чугаевичу*. Ординарный Профессоръ *Селинъ* въ слѣдствіе прошенія уволенъ Совѣтомъ Кіевского Института Благородныхъ Дѣвицъ отъ преподаванія въ Институтѣ русской словесности; бывший Деканъ Физико-Математическаго Факультета Ординарный Профессоръ *Дьяченко* по случаю окончанія

ему 25 лѣтъ службы по учебной части и 4хъ-лѣтія, на которое онъ избранъ былъ въ Деканы, уволенъ отъ сей послѣдней должности. Исправляющій должность Адъюнкта *Цвѣтковъ* уволенъ по болѣзни отъ должности Секретаря Юридическаго Факультета.

Въ минувшемъ академическомъ году Университетъ Св. Владиміра понесъ слѣдующія потери: 4 Августа 1855 г. скончался Секретарь Библіотеки, Коллежскій Ассессоръ Венцеславъ *Іерзабекъ*, который слишкомъ 17 лѣтъ состоялъ на службѣ при Библіотекѣ, а именно съ 15 Апрѣля 1838 г. Помощникомъ Библіотекаря, а съ 25 Октября 1850 г. Секретаремъ Библіотеки. — 31-го же Мая 1856 года скончался къ крайнему прискорбію Университета исправлявшій должность Адъюнкта по кафедрѣ Государственныхъ Законовъ, Коллежскій Совѣтникъ Иванъ *Вигура*. Окончивъ курсъ юридическихъ наукъ въ здѣшнемъ Университетѣ со степенью Кандидата Г. Вигура опредѣленъ былъ въ 1841 г. Старшимъ Учителемъ русской словесности въ Немировскую Гимназію, а въ 1843 г., по Высочайшему повелѣнію, отправленъ былъ на счетъ Правительства на три года въ Германію, Францію и Англію для усовершенствованія въ наукахъ, и по возвращеніи изъ за границы опредѣленъ исправляющимъ должность Адъюнкта по кафедрѣ Русскихъ Государственныхъ Законовъ въ Университетѣ Св. Владиміра и состоялъ въ этомъ званіи до кончины своей. Сверхъ этой должности Г. Вигура съ 1850 г. состоялъ Юрисконсультомъ при Кіевской Канторѣ Государственнаго Коммерческаго Банка. Въ лицѣ Г. Вигуры Университетъ понесъ очень чувствительную потерю, лишаясь въ немъ ученаго опытнаго и добросовѣстнаго преподавателя.

VII.

Въ минувшемъ академическомъ году въ Университетѣ Св. Владиміра подвергался испытанію для полученія степени Магистра Кандидатъ Законовѣдѣнія Старшій Учитель Черниговской Гимназіи *Алексій Андріяшевъ*. По успѣшномъ выдержаніи испытанія въ Юридическомъ Факультетѣ и по удовлетворительномъ защищеніи диссертациі подѣ заглавіемъ: „О правахъ Православной Русской Церкви на имущества,“ онъ удостоенъ степени Магистра Гражданскихъ Законовъ.

Кромѣ того въ истекшемъ академическомъ году Университетомъ Св. Владиміра удостоены по надлежащемъ испытаніи разныхъ ученыхъ степеней и званій лица, не состоявшія въ числѣ Студентовъ Университета, въ томъ числѣ званія Акушера какъ Члена Врачебной Управы 2, Оператора 1, званія Уѣзднаго Врача 7, степени Аптекарскаго Помощника 43, степени Провизора 11, званія Дентиста 1, званія Повивальной Бабки 6, степени Лекаря 1.

VIII.

Подвѣдомственныя Университету Св. Владиміра заведенія какъ то: бібліотека, кабинеты, музеи и проч. въ теченіи 1855—56 учебнаго года постоянно обогащались, какъ на счетъ собственныхъ штатныхъ суммъ, такъ и отъ частныхъ приношеній.

Библиотека Университета приобрѣла въ теченіи года 1181 сочиненіе въ 1607 томахъ. Нынѣ находится въ Библиотекѣ 64,397 сочиненій въ 96,311 томахъ.

Для Зоологическаго Кабинета приобрѣтено вновь 794 предмета, между которыми особаго вниманія заслуживаютъ нѣкоторыя днѣпровскія рыбы и значительная коллекція птичьихъ гнѣздъ и яицъ, найденныхъ въ окрестностяхъ Кіева. Затѣмъ къ концу 185⁵/₆ учебнаго года въ Зоологическомъ Кабинетѣ состояло 38,171 предметъ.

Для Минералогическаго Кабинета приобрѣтено 530 номеровъ минераловъ и окаменѣлостей и затѣмъ нынѣ числится 16,399 номеровъ.

Въ Технологическомъ Кабинетѣ находится нынѣ моделей, машинъ, технологическихъ снарядовъ и инструментовъ 71 номеръ, чертежей 77, сочиненій 10, а всего 152 предмета.

Въ Технологическую Лабораторію поступило 11 номеровъ химическихъ препаратовъ. Нынѣ состоитъ на лицо различныхъ снарядовъ, инструментовъ, посуды, химическихъ препаратовъ и матеріаловъ 588 номеровъ.

Минць-Кабинетъ приобрѣлъ монетъ и медалей 442 экземпляра, изъ нихъ заслуживаетъ особенное вниманіе золотой Римскій денарій Марціи-Отациллы-Северы, жены Филиппа 1-го. Нынѣ въ Минць-Кабинетѣ состоитъ нумизматовъ, медалей и монетъ древнихъ Греческихъ и Римскихъ 10,261, средняго и новаго времени 15,699, а всѣхъ 25,960.

Для Кабинета машинъ и моделей для прикладной Математики приобрѣтено вновь 7 предметовъ, и въ числѣ ихъ особенно замѣчательны модели: электро-двигательной машины Фромена, водянаго колеса Понселе, паровой машины

Моделая, локомотива съ тендеромъ и винтоваго парохода. Нынѣ въ этомъ Кабинетѣ находится 210 предметовъ.

Для Химическаго Кабинета и Лабораторіи приобрѣтено химическихъ произведеній и матеріаловъ 8 номеровъ; затѣмъ нынѣ состоитъ снарядовъ, приборовъ и прочихъ принадлежностей 627 номеровъ, химическихъ произведеній, реактивовъ и матеріаловъ 2,102 номера, а всего 2,729 номеровъ.

Въ Музей изящныхъ искусствъ и древностей поступило 38 номеровъ, изъ коихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ древній бронзовый поясъ изъ витой толстой проволоки, найденный въ имѣніи помѣщика Понятовскаго и имъ пожертвованный для Музея. Въ настоящее время въ Музеѣ числится по части древностей 1068 номеровъ, по части изящныхъ искусствъ 265 номеровъ, а всего 1333 номера.

Въ Кабинетѣ Сравнительной Анатоміи и Лабораторіи для физиологическихъ опытовъ поступило 3 препарата и затѣмъ нынѣ состоитъ на лицо 2483 препарата и 171 номеръ снарядовъ для физиологическихъ опытовъ.

Для Фармакологическаго Собранія приобрѣтено 285 номеровъ лекарственныхъ образцовыхъ веществъ и 93 фармацевтическихъ препарата. Нынѣ находится: фармакологическихъ снарядовъ 3 номера, лекарственныхъ образцовыхъ веществъ 643 номера, фармацевтическихъ препаратовъ 206, фармакологическихъ сочиненій 12.

Въ Университетскій Гербарій поступило 2000 экземпляровъ сухихъ растений собранныхъ Ординарнымъ Профессоромъ Роговичемъ въ Кіевской и Полтавской губерніи. Затѣмъ въ гербаріи состоитъ сухихъ растений 18,703 въ 47,069 экземплярахъ главной Университетской коллекціи,

9917 видовъ растений, пожертвованныхъ бывшимъ преподавателемъ Университета Андриеевскимъ, 174 связки неразобранныхъ растений, поступившихъ изъ бывшей Виленской Медико-Хирургической Академіи и 25 пачекъ неразобранныхъ растений, купленныхъ у наследниковъ Аптекаря Университета Св. Владиміра Сегета.

Въ Университетскій Ботаническій садъ поступило оранжерейныхъ растений 124 вида въ 460 экземплярахъ и 184 сорта сѣмянъ, грунтовыхъ деревъ и кустовъ 42 вида въ 936 экземплярахъ и 40 сортовъ сѣмянъ, грунтовыхъ травъ 510 видовъ и 1875 сортовъ сѣмянъ. Затѣмъ нынѣ состоитъ въ Ботаническомъ саду 5,414 видовъ растений въ 36,137 экземплярахъ и 3,469 сортовъ сѣмянъ; изъ нихъ оранжерейныхъ растений 1,940 видовъ въ 9,185 экземплярахъ и 407 сортовъ сѣмянъ, грунтовыхъ деревъ и кустовъ 570 видовъ въ 26,952 экземплярахъ и 134 сорта сѣмянъ, однолѣтнихъ, двулѣтнихъ и многолѣтнихъ грунтовыхъ травъ 2,904 вида и 2,928 сортовъ сѣмянъ.

Въ Университетскую Аптеку поступило 209 сырыхъ матеріаловъ, изготовлено въ Лабораторіи 192 препарата. Затѣмъ нынѣ состоитъ въ Аптекѣ 714 сырыхъ матеріаловъ и 603 препарата.

Въ Терапевтической факультетской Клиникѣ, состоящей изъ 20 кроватей пользовалось 185 больныхъ. Изъ нихъ выздоровѣло 139, получило облегченіе 19, вышло въ прежнемъ состояніи 2, умерло 11, осталось на лицо 14. Обращались за совѣтами въ Амбулаторную Клинику 543.

Въ Хирургической факультетской Клиникѣ, устроенной также на 20 кроватей, пользовалось больныхъ 138. Изъ нихъ выздоровѣло 94, получило облегченіе 9, осталось

въ прежнемъ состояніи 13, умерло 5, состоитъ на лицо 17. Приходило въ Клинику за совѣтами 1065. Всѣхъ операцій сдѣлано 225.

Въ Акушерской Клиникѣ, состоящей изъ 8 кроватей, рожениць было 42, родилось младенцевъ 42, а именно мужескаго пола 19, женскаго 23; изъ числа младенцевъ мертвыми родилось 4. Больныхъ женскими болѣзнями было 15. Операцій сдѣлано 7.

Въ терапевтическомъ отдѣленіи Клиники Кіевскаго Военнаго Госпиталя, состоящемъ изъ 64 кроватей, пользовалось больныхъ 513; изъ нихъ выздоровѣло 372, получило облегченіе 21, умерло 62 человѣка, состоитъ на лицо 58 больныхъ.

Въ хирургическомъ клиническомъ отдѣленіи того же Госпиталя, гдѣ число кроватей простиралось до 151, пользовалось 1230 человѣкъ, изъ нихъ выздоровѣло или получило облегченіе 1172, умерло 50, осталось на лицо 128 больныхъ. Операцій сдѣлано 40.

Въ больницѣ Института казеннокоштныхъ Студентовъ, состоящей изъ 15 кроватей, пользовалось больныхъ 218, изъ нихъ выздоровѣло 209, умерло 5, состоитъ на лицо 4.

IX.

Согласно уставу Университета Св. Владиміра въ минувшемъ 1855—56 учебномъ году пріемъ Студентамъ былъ производимъ два раза: послѣ лѣтнихъ и зимнихъ вакацій, т. е. въ Августѣ 1855 г. и Январѣ 1856 года. Принято въ оба раза 210 Студентовъ, изъ числа которыхъ поступили

въ Историко – Филологическій Факультетъ 24, въ Физико-Математическій 29, въ Юридическій 25 и въ Медицинскій 132.

Въ теченіи года выбыло до окончанія курса 20 и послѣ окончанія курса 125.

Въ теченіи 185⁵/₆ года удостоены ученыхъ степеней и званій слѣдующіе воспитанники Университета:

Степени Кандидата: по Историко – Филологическому Факультету: *Родкевичъ Иларіонъ, Сидоренко Георгій и Богатиновъ Николай*; по Физико – Математическому Факультету: *Чернякъ Максимъ, Виноградовъ Андрей и Пищатовскій Ксаверій*; по Юридическому Факультету: *Дыновскій Теофиль, Михаловскій Иванъ, Милковскій Николай, Скаржинскій Матвѣй, Ренненкампфъ Николай, Компанскій Каликстъ, Шварцъ Эдуардъ и Тржетржевинскій Пржемыславъ*.

Званія Дѣйствительнаго Студента по Историко-Филологическому Факультету: *Протопоповъ Николай, Кондратовичъ Илья и Чеснокъ Александръ*; по Физико – Математическому Факультету: *Ильяшенко Патрикій и Корженіовскій Людвигъ*; по Юридическому Факультету: *Каменцовъ Иванъ, Лопатто Евгений, Заболинный Александръ, Осташевскій Адамъ, Губчицъ Иванъ, Крушинскій Леонидъ, Мерцаловъ Иванъ, Данчицъ Максимъ, Корульскій Иванъ, Корульскій Степанъ, Біанки Мануиль, Фроцкевичъ Болеславъ и Витковскій Матвѣй*.

По Медицинскому Факультету: степени Лекаря съ правомъ получить по защищеніи диссертации степень Доктора Медицины — *Гарниеръ Николай*; степени Лекаря съ отличіемъ: *Ролле Осипъ-Аполлинарій, Грегоровичъ Францъ, Андржеевскій Владиславъ, Чекомтовскій Петръ, Швайко Агафонъ, Балинскій Людвигъ, Грабовскій Мечиславъ и Маркевичъ Францъ*.

Степени Лекаря: *Тржестржевинскій* Витольдъ, *Гельбакъ* Левъ, *Беренштейнъ* Іосифъ – *Моймъ*, *Абрамовъ* Леонъ, *Гинцбургъ* Іосель, *Ивашкевичъ* Брониславъ, *Клопотовскій* Викторъ, *Пинкензонъ* Яковъ, *Степновскій* Юліанъ, *Татаровскій* Антонъ, *Химичъ* Василій, *Потоцкій* Александръ, *Волынцевичъ* Владиславъ, *Кручковскій* Владиславъ, *Сморчевскій* Иванъ, *Чарковскій* Владиславъ, *Брандтъ* Брониславъ, *Горничъ* Владиславъ, *Добровольскій* Михайль, *Петровскій* Иванъ, *Сага-товскій* Діонисій, *Страдецкій* Григорій, *Хмьлевскій* Владиславъ и *Футасъвичъ* Нарцизь.

Затѣмъ состоитъ нынѣ въ Университетѣ Св. Владиміра
 729 Студентовъ въ томъ числѣ въ Историко – Филологиче-
 скомъ Факультетѣ – – – – – 57.
 въ Физико – Математическомъ Факультетѣ – – – – – 76.
 въ Юридическомъ – – – – – 77.
 въ Медицинскомъ – – – – – 519.

X.

На основаніи 103 § Общаго Устава Россійскихъ Уни-
 верситетовъ предложены Студентамъ на рѣшеніе для со-
 искапія награды медалями въ будущемъ академическомъ году
 слѣдующія задачи:

Отъ Историко – Филологическаго Факультета: „Витязи
 времени Владиміра Святаго.“

Отъ Физико – Математическаго Факультета: „Сдѣлать
 химическое разложеніе не менѣе трехъ видовъ почвы, по
 возможности различныхъ качествъ.“

Отъ Юридическаго Факультета: „Изложить исторію постановленій о рекрутской повинности въ Россіи.“

Отъ Медицинскаго Факультета: „Означеніе двѣнадцатиперстной кишки (Intestinum duodenum).“

На темы, предложенныя въ минувшемъ учебномъ году Студентамъ для соисканія наградъ медалями, представлены диссертациі:

На тему Историко – Филологическаго Факультета „Изложить основаніе устройства и опредѣлить экономическое значеніе какъ Русскихъ, такъ и вообще Европейскихъ земледѣльческихъ кредитныхъ учрежденій,“ представлено одно сочиненіе съ девизомъ: земля бо пившая сходящій на нее множицею дождь и рождающая былія, добрыя онымъ, ими же и дѣлаема бываетъ, прие́млетъ благословеніе отъ Бога.

Разсужденіе это состоитъ изъ слѣдующихъ частей: во 1-хъ изъ введенія, въ которомъ объясняется происхожденіе кредита и его значеніе въ народной экономіи; во 2-хъ изъ отдѣла о земледѣльческомъ кредитѣ въ частности, гдѣ разсматривается необходимость кредитныхъ учрежденій, замѣняющихъ частныя сдѣлки; въ 3-хъ изъ статьи о земледѣльческихъ кредитныхъ учрежденіяхъ, гдѣ авторъ излагаетъ сначала поводы къ ихъ основанію, а за тѣмъ раздѣляетъ ихъ на товарищества и на государственныя кредитныя учрежденія; въ 4-хъ изъ обзора механизма земледѣльческихъ кредитныхъ учрежденій и коренныхъ ихъ основаній; въ 5-хъ изъ нѣсколькихъ отдѣловъ, въ которыхъ изложены подробно: устройство и операціи земледѣльческихъ кредитныхъ учрежденій, выпускающихъ облигаціи въ Пруссіи, Баваріи, Франціи и Россіи.

Обозрѣніе составныхъ частей разсужденія показываетъ,

что авторъ разработалъ заданную тему съ надлежащею полнотою и коснулся всѣхъ существенныхъ сторонъ, представляемыхъ ею. Общія теоретическія понятія, высказанныя въ разныхъ мѣстахъ сочиненія и разборъ чужихъ мнѣній показываютъ, и большую начитанность, и правильный взглядъ, какъ на науку вообще, такъ и въ частности на самый предметъ изслѣдованій.

Независимо отъ этихъ теоретическихъ достоинствъ, представленное сочиненіе имѣетъ еще другую цѣну — оно заключаетъ въ себѣ въ первый разъ на русскомъ языкѣ обзоръ уставовъ и операций замѣчательнѣйшихъ земельческо-кредитныхъ учреждений, выпускающихъ облигации.

Разсужденіе это, имѣющее неоспоримыя достоинства, заключаетъ нѣкоторые недостатки, какъ въ построеніи цѣлаго, такъ и въ частностяхъ, напр. изложеніе нѣкоторыхъ не существенныхъ подробностей, иногда неудачно переданный юридическій терминъ, недостатки ни мало впрочемъ не уменьшающіе заслуги автора.

Авторъ этого сочиненія, казеннокоштный Студентъ Историко-Филологическаго Факультета 8-го семестра Георгій Сидоренко, удостоенъ золотой медали.

На тему, заданную Физико-Математическимъ Факультетомъ „Изложить, сообразно современному состоянію науки, образованіе растительныхъ клѣточекъ, руководствуясь по возможности собственными наблюденіями,“ представлено два разсужденія. Одно изъ нихъ съ эпиграфомъ „законы природы должны быть не изобрѣтаемы а priori, но выводимы изъ наблюденій,“ дѣлится на два отдѣла. Въ первомъ отдѣлѣ авторъ ясно и отчетливо излагаетъ новѣйшія наблю-

денія надъ образованіемъ клѣточекъ и въ подтвержденіе своихъ мнѣній приводитъ многіе факты, заимствованные изъ сочиненій различныхъ ученыхъ, исчисленныхъ имъ въ началѣ разсужденія. Второй отдѣлъ содержитъ факты (съ практическимъ ихъ разборомъ) относящіеся къ строенію, формѣ и величинѣ клѣточекъ, къ строенію оболочки клѣточекъ, къ строенію сосудовъ, къ химическимъ и физическимъ свойствамъ клѣточной оболочки, къ веществамъ растительнымъ, заключающимся внутри клѣточекъ; за тѣмъ излагаетъ современный взглядъ на строеніе растительныхъ клѣточекъ и ихъ образованіе и фізіологическое значеніе клѣточки. Такимъ образомъ авторъ обозрѣлъ вполне и со всѣхъ сторонъ заданный вопросъ и сочиненіе его отличается полнотою изложенія, яснымъ и отчетливымъ взглядомъ на предметъ, знакомствомъ со многими новѣйшими сочиненіями по этому предмету и весьма удовлетворительнымъ языкомъ. Кромѣ того оно снабжено превосходными, даже изящными рисунками.

Авторъ этого разсужденія, своекоштный Студентъ Медицинскаго Факультета 8-го семестра Иванъ Станкевичъ, признанъ достойнымъ золотой медали.

Во второмъ разсужденіи съ эпиграфомъ „*Natura maxime miranda in minimis*“ авторъ кратко излагаетъ сначала исторію развитія анатоміи растений и ученія образованія растительныхъ клѣточекъ въ особенности. Исторію анатоміи растений авторъ раздѣляетъ на 3 періода: древній — отъ начала науки до появленія сочиненій Мальпиги во второй половинѣ XVII вѣка, средній — отъ Мальпиги до ученой дѣятельности Роберта Броуна въ первой половинѣ XIX столѣтія, и новый отъ Роберта Броуна до нашего времени.

Въ каждомъ изъ этихъ періодовъ авторъ излагаетъ важнѣйшія открытія и мнѣнія ученыхъ, служившія къ развитію ученія о начальныхъ органахъ растений, потомъ переходитъ къ изложенію новѣйшихъ наблюденій надъ образованіемъ растительныхъ клѣточекъ. Изложивъ различаемые имъ два способа образованія растительныхъ клѣточекъ, авторъ критически разбираетъ мнѣнія относительно этого предмета Шлейдена, Ренъе, Унгера, Нэгели, Моля и другихъ; затѣмъ излагаетъ современное понятіе о различныхъ формахъ клѣточекъ, о стѣнкахъ растительныхъ клѣточекъ, о различныхъ растительныхъ веществахъ образующихся въ полостяхъ клѣточекъ, о жизни и смерти клѣточекъ, наконецъ сравниваетъ развитіе растительныхъ клѣточекъ съ клѣточками у животныхъ. Разсужденіе это служитъ яснымъ доказательствомъ, что авторъ онаго знакомъ со многими спеціальными сочиненіями, относящимися къ растительной физиологіи и анатоміи, но руководствовался преимущественно сочиненіями Шлейдена, котораго мнѣній онъ вообще придерживается, что авторъ вполне усвоилъ себѣ понятія новѣйшихъ ученыхъ объ образованіи клѣточекъ и изложилъ ихъ весьма ясно, отчетливо и вполне удовлетворительно, и что онъ самъ много сдѣлалъ микроскопическихъ наблюденій. Разсужденіе это украшено превосходными рисунками, сдѣланными съ натуры.

Авторъ этого сочиненія, своекоштный Студентъ Физико – Математическаго Факультета 6-го семестра Иванъ Иванецко, признанъ достойнымъ золотой медали.

На заданную Юридическимъ Факультетомъ тему: „Изложить исторію, нынѣшнее устройство и экономическое значеніе банковыхъ установленій въ Россіи,“ представлено

сочиненіе съ девизомъ: „Кредитъ лучше денегъ.“ Оно раздѣляется на двѣ части; часть общую и часть особенную.

Въ общей части представлены начала, по которымъ производятся и обращаются богатства въ ихъ постепенномъ развитіи; изъ этихъ началъ выводится понятіе о существѣ, необходимости и важности кредита для государственной экономіи. Объяснивъ понятія о кредитѣ, сочинитель переходитъ къ установленіямъ, основаннымъ на этомъ понятіи, и, остановившись на банковыхъ установленіяхъ, рассматриваетъ ихъ разныя формы, указываетъ на важнѣйшія изъ банковыхъ установленій въ Европѣ, подвергая подробному изслѣдованію ихъ операціи.

Въ особенной части сочинитель обращается къ исторіи и нынѣшнему устройству банковыхъ установленій въ Россіи. Излагая исторію сочинитель подвергаетъ изслѣдованію достоинства и недостатки каждаго банка, рассматриваетъ обстоятельства, благопріятствовавшія успѣшному ходу операцій, и наконецъ излагаетъ экономическіе результаты каждаго банкаго установленія. Представивъ первоначальное учрежденіе и постепенное развитіе банковыхъ установленій въ Россіи, авторъ переходитъ къ изложенію нынѣ дѣйствующихъ узаконеній, показываетъ ихъ преимущество въ сравненіи съ прежними постановленіями объ устройствѣ банковъ и подвергаетъ подробному изслѣдованію законы банковыхъ операцій. Наконецъ, представляя числовыя величины банковыхъ оборотовъ, показываетъ тѣмъ самымъ постепенно возрастающую важность банковыхъ установленій въ экономическомъ отношеніи.

Предложенная Юридическимъ Факультетомъ тема рѣшена въ этомъ сочиненіи вполне удовлетворительно. Въ тео-

ретической части разсужденія авторъ обнаружилъ ясный взглядъ на предметъ, основательность въ выводахъ, стремленіе къ самостоятельной обработкѣ науки и способность выражать отвлеченныя мысли ясно и отчетливо. Положительная часть разсужденія, отличающаяся полнымъ и стройнымъ порядкомъ изложенія, показываетъ рѣдкое трудолюбіе, способность анализировать факты и подводить ихъ подъ общіе экономическіе законы.

Сочинитель этого разсужденія, своекоштный Студентъ Юридическаго Факультета 8-го семестра Шварцъ Эдуардъ, удостоенъ золотой медали.

На тему Медицинскаго Факультета: „Объ операциі произведенія искусственныхъ преждевременныхъ родовъ“ представлено два разсужденія: одно съ эпиграфомъ: „Et falsae opinionis refutatio scientiis est incremento,“ другое съ девизомъ „Si quid novisti rectius istis candidus imperti; si non, his utere mecum.“ Авторъ перваго разсужденія, при обработкѣ заданной темы не слѣдовалъ никакому порядку и раздѣлилъ свое сочиненіе на нѣсколько совершенно отдѣльныхъ частей. Первая изъ нихъ заключаетъ въ себѣ описаніе различныхъ методовъ производства сказанной операциі. Вторая часть, начинающаяся нѣсколькими статистическими таблицами о результатахъ этой операциі, содержитъ въ себѣ исчисленіе показаній и противупоказаній оной. Въ третьей части излагается исторія операциі. Разсужденіе это не вполне удовлетворительно какъ по содержанію, такъ и по языку, но оно имѣетъ и свои хорошія стороны. Оно доказываетъ что авторъ много думалъ объ обработкѣ данной темы, много собралъ данныхъ, много читалъ и слѣдлалъ надлежащую оцѣнку прочитанному. Во вниманіе

къ сему авторъ сказаннаго разсужденія, казеннокоштный Студентъ Медицинскаго Факультета 6-го семестра Эрнестъ Розенталь, удостоенъ серебряной медали.

Во второмъ сочиненіи съ эпиграфомъ „Si quid novisti rectius istis candidus imperti; si non, his utere tecum“ обработана заданная тема въ строгомъ, систематическомъ порядкѣ. Опредѣливъ значеніе операціи искусственныхъ преждевременныхъ родовъ, авторъ излагаетъ исторію ея съ самою отчетливою подробностію. Далѣе упоминаетъ о всѣхъ важнѣйшихъ сочиненіяхъ, относящихся къ этой операціи и вычисляетъ ея показанія и противупоказанія. Опредѣливъ время когда именно должна быть произведена операція, авторъ описываетъ приготовленія къ оной и разбираетъ критически всѣ извѣстные донинѣ методы ея. — Результаты операціи показаны въ особыхъ таблицахъ, составленныхъ съ рѣдкимъ тщаніемъ. Сочиненіе это превосходно во всѣхъ отношеніяхъ. Совершенное знаніе дѣла, ясный взглядъ, вѣрная оцѣнка всѣхъ усовершенствованій, строгая отчетливость въ изложеніи даже малѣйшихъ подробностей составляютъ отличительныя достоинства этого сочиненія и ставятъ его на ряду съ лучшими монографіями по этому предмету.

Авторъ этого разсужденія, состоящій на содержаніи изъ суммы жертвуемой Чиновниками и Преподавателями Университета Студентъ Медицинскаго Факультета 6-го семестра Осипъ Коляновскій, удостоенъ золотой медали, — вмѣсто которой награждается экземпляромъ Собранія рисунковъ хирургическихъ операцій Проф. Овера.

Отдавъ отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ своихъ въ истекшемъ 1855—56 академическомъ году Университетъ Св. Владиміра не можетъ не вспомнить о неусыпномъ попеченіи о немъ бывшаго своего непосредственнаго Начальника, Князя Иларіона Иларіоновича Васильчикова, о разнообразныхъ мѣрахъ Его Сіятельства, содѣйствовавшихъ улучшенію и обогащенію всѣхъ частей Университетскаго устройства и облегчающихъ сему учебному заведенію достиженіе цѣлей его. Живѣйшее желаніе Университета: сохранить драгоцѣнное для него довѣріе и расположеніе Князя Иларіона Иларіоновича и сдѣлаться достойнымъ и въ будущемъ благосклоннаго вниманія и покровительства Его Сіятельства, какъ Начальника здѣшняго края. При настоящемъ случаѣ Университетъ не можетъ не высказать еще разъ своей безграничной благодарности за отеческую заботливость о немъ и благодѣянія ему оказанныя Его Сіятельствомъ во время Зхъ-лѣтняго управленія, которое составитъ свѣтлую страницу въ лѣтописяхъ Университета и навсегда останется въ памяти его.

